A 186/1048

A 186.
1048.

ОБЪ ИСПОЛНЕНІИ
ИНОСТРАННЫХЪ СУДЕБНЫХЪ РѢШЕНІЙ
ВЪ РОССІИ.

Сочиненіе профессора Дерптскаго университета.

И. Е. Енгельмана.

(оттискъ изъ I книги журнала гражданскаго и уголовнаго права).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1884.

ОБЪ ИСПОЛНЕНІИ

ИНОСТРАННЫХЪ СУДЕБНЫХЪ РѢШЕНІЙ

ВЪ РОССІИ.

Сочиненіе профессора Дерптскаго университета.

И. Е. Енгельмана.

(оттискъ изъ I книги журнала гражданскаго и уголовнаго права).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1884.

2007050325

ОБЪ ИСПОЛНЕНІИ ИНОСТРАННЫХЪ СУДЕБНЫХЪ РѢШЕНІЙ ВЪ РОССІИ.

Русскій уставъ гражданскаго судопроизводства, 20 ноября 1864 года, постановляетъ объ исполненіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ слѣдующее: Ст. 1273. Рѣшенія судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ исполняются на основаніи правилъ, установленныхъ по сему предмету взаимными трактатами и договорами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ими не установлены самыя правила исполненія, соблюдается порядокъ, изложенный въ ст. 1274—1281.

Статья эта, конечно, могла быть изложена въ болѣе ясной и менѣе сложной редакціи, но смыслъ ея вполнѣ вразумителенъ: иностранныя судебныя рѣшенія въ Россіи не приводятся въ исполненіе, если объ этомъ нѣтъ постановленій въ трактатахъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сихъ трактатахъ не установлены самыя правила исполненія, примѣняются ст. 1274—1281 уст. гр. суд.. Значитъ, если таковыхъ трактатовъ не существуетъ, то приведенныя статьи вовсе не могутъ имѣть примѣненія.

Несмотря на то, что прямой смыслъ ст. 1273 не допускаетъ иного толкованія, въ русской юридической литературѣ, съ самаго изданія уст. гр. суд., установился взглядъ, будто въ Россіи рѣшенія судовъ иностранныхъ государствъ приводятся въ исполненіе на основаніи ст. 1274—1281 уст. гр. суд., съ разрѣшенія судебнаго мѣста имперіи, незави-

симо отъ существованія трактатовъ объ этомъ, независимо также отъ начала взаимности. Этотъ ложный взглядъ объясняется нашею падкостью на всякаго рода воображаемыя идилліи о нашей передовой либеральности, и на готовность общества проникнуться убѣжденіемъ, что у насъ по этой части все обстоитъ благополучно, хотя бы на лицо были бы одни либеральныя громкія слова. Мы убѣждены, что у насъ, въ Россіи, къ счастію, нѣтъ-де никакихъ средневѣковыхъ, старыхъ, устойчивыхъ учрежденій, съ которыми необходимо считаться, и которыя своимъ существованіемъ могли бы помѣшать немедленному примѣненію современной, гуманной и, конечно, либеральной нови. Разъ появившись, такой взглядъ установляется надолго и всякій повторяетъ, съ чужаго голоса, о превосходствѣ нашего либерализма, которымъ мы должны осчастливить другихъ, и никому въ голову не приходитъ справиться съ источниками, вникнуть въ прямой смыслъ закона, пока, вдругъ, на самомъ дѣлѣ не окажется, что вся теорія никогда никакого основанія не имѣла и имѣть не могла; что намъ, пока, другихъ счастливить не приходится и что, на самомъ дѣлѣ, мы то отсталые и есмы.

Въ занимающемъ насъ вопросѣ, упомянутая теорія установилась съ легкой руки г. П. Маркова, напечатавшаго въ Журналѣ министерства юстиціи 1864 г. т. XXI (стр. 25—46 и 211—24) статью. „О приведеніи въ исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ“. Статья эта появилась почти одновременно съ утвержденіемъ и распубликованіемъ судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Авторъ, очевидно, полагалъ, что правила, принятыя въ проектѣ устава гражд. суд., будутъ утверждены цѣликомъ, такъ что въ Россіи, впредь, рѣшенія иностранныхъ судебныхъ мѣстъ будутъ приводимы въ исполненіе съ разрѣшенія судебнаго мѣста имперіи, безъ всякаго разбирательства о законности онаго, лишь бы рѣшеніе было окончательное, не заключало въ себѣ распоряженій, противныхъ общественному порядку или запрещенныхъ въ Россіи закономъ, и не распространялось бы на недвижимыя имѣнія, находящіеся въ Россіи.

Судъ имперіи, разрѣшающій исполненіе, не долженъ будетъ входить въ разсмотрѣніе ни о подсудности, ни о томъ, была ли жалоба правильно сообщена отвѣтчику.

Въ упомянутой статьѣ, авторъ, прежде всего, разсматриваетъ теоретическую сторону вопроса. По его мнѣнію, дѣйствительно, изъ начала независимости государства и понятія верховной власти, необязательность иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, внѣ предѣловъ того государства, въ которомъ они состоялись, должна быть признана аксіомой. Этой аксіомѣ авторъ противупоставляетъ взаимное удобство, которое бы могло произойти для государствъ, если бы установилась обязательность иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, при чемъ ссылается на брошюру г. Будзинскаго „О силѣ судебныхъ рѣшеній, преимущественно по польскимъ законамъ“. (Спб. 1861). Тутъ же авторъ прибавляетъ: „Дѣйствительно, много выгоды представилось бы отъ установленія подобнаго начала; жаль, что рутина и невѣрное понятіе о собственномъ достоинствѣ, играющія роль и въ международныхъ отношеніяхъ, мѣшаютъ распространенію здравыхъ понятій по этому предмету“. Далѣе мы читаемъ: „по теоріи, судебныя рѣшенія должны почитаться необязательными внѣ предѣловъ государствъ, въ которыхъ постановлены, но на основаніи практическихъ соображеній, въ видахъ взаимнаго удобства, обязательность ихъ можетъ быть допущена.“ Всѣ эти выводы какъ то между собою не ладятъ; недостаетъ логической связи между ними. Авторъ согласенъ съ правильностью основнаго начала необязательности иностранныхъ судебныхъ рѣшеній и допускаетъ отступленіе отъ него единственно изъ практическихъ видовъ удобства. Но разсуждая объ этихъ удобствахъ, онъ плѣняется международною идилліею, и теоретически правильный выводъ оказывается ложнымъ, соблюденіе этого начала, превращается въ рутину, и то, что можетъ быть допущено ради удобства, провозглашается единственно здравымъ понятіемъ.

Переходя затѣмъ къ изложенію существующихъ въ Европѣ двухъ различныхъ системъ приведенія иностранныхъ судебныхъ рѣшеній въ исполненіе, господствующаго въ Ан-

гліи и существующаго на материкѣ Европы, — авторъ раздѣляетъ европейскія государства на три группы: 1) Испанію, Португалію и Грецію, законодательства которыхъ будто бы явно неблагопріятны для таковыхъ рѣшеній; 2) Францію, Бельгію, Австрію, Пруссію, Баварію, Виртембергъ, Ганноверъ, Саксенъ, Баденъ, Женевскій-кантонъ, Папскую Область, которыя, согласно съ требованіями теоріи, допускаютъ обязательность иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, при извѣстныхъ условіяхъ. Замѣтимъ здѣсь, что авторъ напрасно помѣстилъ Францію въ эту категорію, такъ какъ изъ его собственнаго изложенія видно, что здѣсь, по практикѣ судовъ, иностранныя судебныя рѣшенія не приводятся въ исполненіе, и что лишь новѣйшіе писатели утверждаютъ, что это соотвѣтствовало бы теоретически правильному взгляду. 3) Третью группу составляетъ Англія, которая отличается оригинальностью, несовсѣмъ одобряемою авторомъ, но при которой, по нашему мнѣнію, вопросъ рѣшается самымъ правильнымъ образомъ: требуется доказательство, что рѣшеніе дѣйствительно судебное и что оно окончательное.

Русская судебная практика всегда держалась того мнѣнія, что по дѣйствующимъ узаконеніямъ рѣшенія иностранныхъ судовъ не имѣютъ въ Россіи законной силы. Хотя авторъ объявляетъ это мнѣніе неправильнымъ и силится доказать, „что нашему законодательству не чуждо правильное объ этомъ предметѣ понятіе и что въ немъ заключаются всѣ задатки къ установленію вполнѣ правильной системы приведенія упомянутыхъ рѣшеній въ исполненіе“,—но какъ онъ при этомъ сознается, что на самомъ дѣлѣ эти рѣшенія ни въ какомъ случаѣ не приводились въ исполненіе, и тутъ же сообщаетъ мнѣніе государственнаго совѣта въ томъ же смыслѣ, то приведенное положеніе оказывается лишь попыткою прикрасить рѣзкій фактъ и устранить, по возможности, препятствія къ насажденію новыхъ, болѣе либеральныхъ началъ.

Наконецъ, авторъ излагаетъ содержаніе постановленій уст. гр. суд. несовсѣмъ согласно съ текстомъ закона. У него мы читаемъ:

„Прежде всего оговариваемся, что въ тѣхъ случаяхъ,

когда взаимными трактатами между государствами были постановлены особыя правила объ исполненіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ, то исполненіе это должно производиться согласно съ сими правилами. На случай же, если договорами неустановлено правилъ исполненія, постановлено слѣдующее". Въ уст. же гр. суд. мы читаемъ: „Въ тѣхъ случаяхъ, когда ими не установлены *самыя правила* исполненія, соблюдается порядокъ, изложенный въ ст. 1274—81". Хотя авторъ, какъ видно, несовсѣмъ точно передаетъ законъ, но даже изъ его словъ нельзя вывести того, что выводитъ онъ. Между тѣмъ онъ, очевидно, воображалъ, что ст. 1273 содержитъ въ себѣ правило, совершенно соотвѣтствующее современнымъ либеральнымъ воззрѣніямъ, ибо онъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами: „Введеніе указанныхъ постановленій въ составъ нашего новаго кодекса, составляетъ эпоху въ исторіи законодательства по вопросу о приведеніи въ исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ".

Какого рода шагъ сдѣланъ былъ тогда нашимъ законодательствомъ, это разъяснено правительствующимъ сенатомъ лишь въ 1882 году, въ напечатанномъ ниже кассаціонномъ рѣшеніи отъ 27 января и 17 апрѣля, по дѣлу Адама. Въ то время всѣ, ни съ того ни съ другаго, были убѣждены, что если не въ другихъ, то по крайней мѣрѣ въ этомъ вопросѣ, русское законодательство, признавая вполнѣ самыя либеральныя и современныя требованія науки, есть въ Европѣ передовое. Только теперь, изъ упомянутаго кассаціоннаго рѣшенія пр. сената дѣлается съ достовѣрностью извѣстенъ весь ходъ кодификаціонныхъ работъ по этому вопросу и сообщаются весьма любопытныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ самыя достовѣрныя свѣдѣнія, разомъ озаряющія все это дѣло такимъ яснымъ свѣтомъ, что никакихъ затѣмъ сомнѣній или неясностей уже быть не можетъ. Наука должна быть чрезвычайно благодарна за это правительствующему сенату.

Уже прежде извѣстно было, что въ проектѣ уст. гражд. суд. была статья, по которой, „правила, постановленныя для

приведенія въ исполненіе рѣшеній судебныхъ мѣстъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финлядскаго, распространялись на рѣшенія судебныхъ мѣстъ тѣхъ иностранныхъ государствъ, въ которыхъ, на основаніи трактатовъ или законовъ, исполняются рѣшенія русскихъ судебныхъ мѣстъ". Теперь мы узнаемъ, что въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, куда первоначальный проектъ поступилъ, правила объ исполненіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ отдѣлялись отъ правилъ для рѣшеній судовъ польскихъ и финляндскихъ, и приведенная статья (нынѣшняя ст. 1273) предполагалась въ слѣдующемъ видѣ: „рѣшенія судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ исполняются на основаніи правилъ, установленныхъ о томъ взаимными трактатами, а въ тѣхъ случаяхъ, *когда трактатовъ нѣтъ*, соблюдаются слѣдующія правила". Такимъ образомъ, въ проектѣ соединенныхъ департаментовъ предложено было безусловное приведеніе въ исполненіе всѣхъ иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, независимо отъ договоровъ и отъ соблюденія начала взаимности; т. е. предложено было правило, дѣйствительно соотвѣтствующее самымъ прогресивнымъ желаніямъ передовыхъ дѣятелей на поприщѣ международнаго права, и, принимая это правило, наше отечество дѣйствительно сдѣлалось-бы передовымъ по рѣшенію этого вопроса. Соотвѣтствовала-ли бы дѣйствительная польза этой мѣры ея либеральному характеру—это другой вопросъ. Прежде окончательнаго утвержденія проекта, государственный совѣтъ потребовалъ по этому вопросу заключеніе министерства иностранныхъ дѣлъ, которое возразило противъ этой мысли, указывая на неудобство допущенія къ исполненію въ Россіи судебныхъ рѣшеній и тѣхъ государствъ, съ которыми по этому предмету не было никакихъ трактатовъ и въ которыхъ рѣшеніямъ русскихъ судебныхъ мѣстъ не дается никакаго значенія, почему оно и предложило измѣнить редакцію конца статьи въ томъ смыслѣ, чтобы она относилась не къ государствамъ, съ которыми нѣтъ вовсе трактатовъ о взаимномъ исполненіи судебныхъ рѣшеній, а къ тѣмъ, которыя хотя и согласились о вза-

имномъ исполненіи рѣшеній нашихъ судовъ, но не постановили въ договорахъ самаго способа исполненія. Такимъ образомъ, въ ст. 1273 уст. гр. суд. слова „а въ тѣхъ случаяхъ, когда *трактатовъ нѣтъ*", замѣнены словами: „въ тѣхъ случаяхъ, когда *или не установлены самыя правила исполненія*, соблюдается" и т. д. Очевидно, что это, по внѣшней формѣ своей не очень замѣтное измѣненіе, измѣняетъ совершенно смыслъ ст. 1273, придавая ей противное первоначальной редакціи значеніе. Конечно, было-бы гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, выразить это измѣненіе болѣе яснымъ и положительнымъ образомъ, но относительно смысла измѣненія никакого спора быть не можетъ. Такимъ образомъ, оказывается, что въ то самое время, когда у насъ полагали, что со стороны Россіи узаконено такое начало, которое составляетъ эпоху въ исторіи законодательства (очевидно всемірнаго?) по этому вопросу, на самомъ дѣлѣ, по предложенію нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, принято было правило, которое не только не составляло прогреса во всемірной исторіи законодательства, но прямо должно быть признано шагомъ назадъ и мѣрою, достойною другихъ вѣковъ, какъ выражаются иные. Всѣ приведенныя въ заключеніи мин. иностр. дѣлъ неудобства, могли-бы быть устранены, если-бы просто возстановлена была первоначальная редакція коммиссіи, составлявшей судебные уставы, или постановлено-бы было, что иностранныя судебныя рѣшенія приводятся въ исполненіе или на основаніи трактатовъ, или при соблюденіи начала взаимности. Принимая такое положеніе, Россія, конечно, никакого прогреса не произвела бы во всемірной исторіи законодательства по этому вопросу, но разомъ стала бы на гуманную точку зрѣнія цивилизованныхъ государствъ. Вмѣсто того, вслѣдствіе несовсѣмъ правильнаго доклада въ упомянутомъ заключеніи,—по крайней мѣрѣ сколько можно судить по тому, что изложено въ рѣшеніи сената,—наше отечество, по этому вопросу, разомъ стало внѣ европейскаго международнаго общенія. Произошло же это вотъ какимъ образомъ. Въ докладѣ дѣло изображено такъ, какъ будто во всѣхъ тѣхъ госу

дарствахъ, съ которыми незаключено трактатовъ о взаимномъ исполненіи судебныхъ рѣшеній, рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ Россіи не дается никакого значенія. Здѣсь умалчивается о томъ, что иностранныя рѣшенія, въ большинствѣ государствъ, приводятся въ исполненіе на основаніи начала взаимности, и дѣло изображается такъ, какъ - будто исполненіе по началу взаимности почти одно и тоже, что исполненіе по трактату. Неизвѣстно, насколько все то, что изложено въ рѣшеніи сената по этому предмету, основано на заключеніи министерства иностранныхъ дѣлъ, только отдѣльныя положенія какъ то не клеятся между собою. „Въ вопросахъ международнаго права основнымъ принципомъ является взаимность". „Этотъ принципъ проводится и нашимъ законодательствомъ". „Законодатель, отвергнувъ принципъ взаимности исполненія судебныхъ рѣшеній, въ томъ неограниченномъ его видѣ, какъ онъ предполагался первоначальною коммисіею, составлявшею судебные уставы, полагавшею достаточнымъ для допущенія исполненія рѣшенія иностраннаго государства, чтобы въ законѣ дѣйствующемъ въ томъ государствѣ, было упомянуто о взаимномъ исполненіи судебныхъ рѣшеній,—тѣмъ не менѣе удержалъ этотъ принципъ, какъ основное правило для исполнимости въ Россіи судебныхъ рѣшеній иностранныхъ государствъ, ограничивъ его лишь тѣми случаями, когда этотъ принципъ освященъ и обезпеченъ заключеннымъ о томъ взаимнымъ договоромъ". Т. е. въ вопросахъ международнаго права основнымъ принципомъ является взаимность. Взаимность эта проводится и нашимъ законодательствомъ. Взаимность объявлена основнымъ началомъ и первоначальною коммисіею. Затѣмъ, соединенные департаменты предлагаютъ начало приведенія въ исполненіе всѣхъ иностранныхъ рѣшеній, даже безъ взаимности. Этотъ принципъ оспаривается мин. иностр. дѣлъ, какъ неудобный. Затѣмъ, такъ какъ могутъ быть государства, непризнающія начало взаимности и могущія не придавать никакого значенія рѣшеніямъ русскихъ судовъ, что было бы конечно обидно для Россіи, то предлагается не сохранить строго начало взаимности, но устранить начало взаимности, начало устран-

вающее международныя отношенія государствъ самымъ естественнымъ, простымъ и наименѣе стѣснительнымъ и хлопотливымъ образомъ, сохраняющимъ за государствомъ полную свободу дѣйствія. Такимъ образомъ, мин. иностр. дѣлъ, представивъ, по свидѣтельству сената, государственному совѣту выборъ лишь между началомъ взаимныхъ договоровъ и обиднымъ для Россіи началомъ, по которому она принуждалась бы привести въ исполненіе судебныя рѣшенія такихъ государствъ, въ которыхъ рѣшеніямъ русскихъ судовъ не дается никакого значенія, было причиною, что Россія вполнѣ отказалась отъ европейскаго международнаго общенія цивилизованныхъ государствъ, и, „изъ рутины и невѣрнаго понятія о собственномъ достоинствѣ, стала мѣшать распространенію здравыхъ понятій по этому предмету, и ставить преграды осуществленію правды и справедливости по международнымъ правовымъ сношеніямъ“.

Въ то время, впрочемъ, все это оставалось неизвѣстнымъ, и измѣненіе въ редакціи закона, по причинѣ своей внѣшней какъ-бы незначительности, осталось незамѣченнымъ, чему содѣйствовала публикація соображеній къ уст. гр. суд. со стороны государственной канцеляріи. Государственная канцелярія сочла нужнымъ публиковать не подлинныя соображенія и протоколы государ. совѣта объ обсужденіи въ немъ судебныхъ уставовъ, которыя не только были бы весьма любопытны, но могли имѣть огромное значеніе для правильнаго толкованія уставовъ и принесли бы дѣйствительную и несомнѣнную пользу, но какія то выписки, которыя своею безсодержательностью лишены всякаго значенія и лишь содѣйствовали развитію воображаемой либеральной идилліи о прогрессивномъ и передовомъ характерѣ нашего уст. гр. суд. Въ упомянутомъ изданіи мы читаемъ: [1]) „Заключенными и заключаемыми съ иностранными державами трактатами устанавливаются

[1]) Судебные уставы 20 ноября 1864 г. съ изложеніемъ разсужденій, на которыхъ они основаны. Изданіе государственной канцеляріи. ч. I уст. гр. суд. Спб. 1866. стр. 583.

иногда правила о порядкѣ исполненія въ Россіи рѣшеній судовъ иностранныхъ и, наоборотъ, рѣшеній судовъ имперіи въ другихъ государствахъ, слѣдовательно въ уставѣ должно быть оговорено, что этими правилами и слѣдуетъ руководствоваться относительно исполненія такихъ рѣшеній и установленныя въ настоящей главѣ правила относятся только до тѣхъ случаевъ, когда по этому предмету въ международныхъ договорахъ не существуетъ указаній". И только! Что ни предложеніе, то невѣрность! Такой знатокъ нашихъ международныхъ отношеній, какъ Ф. Ф. Мартенсъ, еще въ 187[illegible] году заявилъ, что нѣтъ никакихъ трактатовъ Россіи объ исполненіи иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, и что трактатъ, предложенный со стороны нидерландскаго правительства, остается до сихъ поръ мертвою буквою. Къ тому же, то, что изображено въ приведенномъ мѣстѣ этихъ соображеній, не дастъ никакой возможности догадаться о дѣйствительномъ содержаніи соображеній и рѣшеній государ. совѣта. Напротивъ того, изложеніе это должно было поддерживать мнѣніе тѣхъ, которые воображали, что иностранныя судебныя рѣшенія приводятся въ исполненіе въ Россіи безусловно. Тѣ, кто плѣнялся идилліею, что по международному общенію у насъ все обстоитъ благополучно, принимали въ соображеніе лишь ст. 1274 — 81 уст. гражд. суд., пропуская ст. 1273, какъ несовсѣмъ ясно изложенную.

Такъ поступаетъ напр. профессоръ Малышевъ, при изложеніи гражданскаго судопроизводства [1]): „Наши законы объ исполненіи рѣшеній иностранныхъ судовъ пользуются незаслуженно дурною славою на Западѣ и обстоятельство это вредитъ авторитету русскихъ судовъ, по началу возмездія. Напр. въ циркулярѣ Австрійскаго мин. юст. 19 апрѣля 1865 г. говорится, что, по объясненію русскаго правительства, auswärtige Urtheile von den kaiserl. russischen Behörden unter keiner Bedingung vollstreckt werden, и потому предписывается судебнымъ

[1]) Кронидъ Малышевъ Курсъ гражданскаго судопроизводства т. II. СПБ 1875. 8. стр. 49.

мѣстамъ Австріи Beobachtung der strengsten Reciprocität. Въ сочиненіи Фелікса, Россія относится къ числу тѣхъ государствъ, гдѣ судебныя рѣшенія, сами по себѣ, не имѣютъ исполнительной силы, а приводятся въ исполненіе по особому указу; слѣдовательно, заключаетъ авторъ, они не имѣютъ исполнительной силы за-границею. Тоже повторяетъ Massé". Если бы г. професоръ потрудился послѣдовать примѣру западныхъ чиновниковъ и ученыхъ, и справиться, всегда и вездѣ, съ текстомъ офиціальныхъ источниковъ, то онъ вѣроятно пришелъ бы къ тому же самому выводу. Но этого то онъ не дѣлаетъ, а пробавляется своимъ убѣжденіемъ о передовомъ характерѣ уст. гр. судопр. по этому вопросу. Вмѣсто источниковъ онъ ссылается на статью г. Маркова и восклицаетъ: „На самомъ же дѣлѣ нашъ уставъ, по своей либеральности въ этомъ отношеніи, не только не уступаетъ западнымъ законодательствамъ, а даже превосходитъ ихъ, такъ что положеніе наше выходитъ несовсѣмъ удобнымъ". Затѣмъ авторъ объясняетъ, какой порядокъ соблюдается на основаніи статей 1274—81 и заключаетъ угрозою возмездіемъ: „Если суды иностранныхъ государствъ не исполняютъ русскихъ судебныхъ рѣшеній, то, по международному праву, они заслуживаютъ возмездія равнымъ за равное". Sic! Угроза совершенно лишняя, такъ какъ именно русскіе суды и не исполняютъ иностранныхъ судебныхъ рѣшеній—и вся теорія г-на професора витаетъ какъ то и гдѣ то на воздухѣ, и не имѣетъ никакого основанія подъ собою.

Если цивилистъ допустилъ толкованіе, противное прямому смыслу закона, то неудивительно, что ту же самую ошибку встрѣчаемъ у публициста, также професора С.-Петербургскаго университета Ф. Ф. Мартенса [1]), изслѣдованія котораго отличаются вообще трезвостью, основательностью и положительностью взгляда. Въ статьѣ о приведеніи въ исполненіе иностранныхъ судебныхъ рѣшеній въ Россіи, ошибка произошла

---

[1]) Journal de droit international privé red. par Clunet t. V. Paris 1878. p. 139—144. De l'execution des jugements étrangers en Russie.

также отъ того, что авторъ, противъ своего обыкновенія, задался предвзятою мыслью о передовомъ и либеральномъ направленіи нашего законодательства по этому вопросу, направленіи прямо устраненномъ нашимъ правительствомъ и въ особенности нашимъ мин. иностран. дѣлъ. Задавшись этою мыслью, авторъ толкуетъ ст. 1273 уст. гр. суд. уже вовсе не заботясь о буквальномъ ея текстѣ. Онъ говоритъ: „существующія въ Европѣ понятія о русскомъ правѣ весьма неполны и сбивчивы, ссылаются на устарѣвшее уже сочиненіе Феликса [1]). Еще въ 1872 году нашъ государственный совѣтъ совершенно справедливо опредѣлилъ духъ нашего стараго законодательства, объявляя, что въ Россіи рѣшенія иностранныхъ судовъ не приводятся въ исполненіе". Намъ неизвѣстно, какое мнѣніе гос. совѣта авторъ при этомъ имѣетъ въ виду. Но невольно подумаешь, какъ автора не поразилъ 1872 годъ? Весьма жаль, что авторъ не сообщилъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ мнѣніи, по которымъ и было бы видно, что это мнѣніе дѣйствительно относится къ прежнему, старому законодательству. Не относится ли это мнѣніе именно къ новому законодательству, послѣ 1864 года? Авторъ продолжаетъ: „уст. гр. судопр. 1864 г. отказался отъ взгляда, достойнаго другой эпохи международныхъ отношеній, и сенатъ, своимъ кассаціоннымъ рѣшеніемъ отъ 17 октября 1873 г., поставилъ новый принципъ неоспоримо. Это рѣшеніе отличается замѣчательною ясностью и рѣдкою основательностью въ толкованіи настоящихъ цѣлей дѣйствующаго законодательства". Ниже мы увидимъ, что это рѣшеніе не соотвѣтствуетъ самымъ элементарнымъ требованіямъ логики, и что сенатъ самъ, вполнѣ и навсегда, отказался отъ тогдашняго своего взгляда. Авторъ говоритъ, далѣе, о значеніи нашего уст. гр. суд., „что онъ произвелъ настоящую революцію по этому вопросу и что, благодаря ему, Россія примѣняетъ начала болѣе либеральныя и болѣе соотвѣтствующія желаніямъ (всѣхъ) первостепенныхъ современныхъ юристовъ, чѣмъ многія другія

[1]) Droit international privé. 1844 г.

государства Европы. Россія старается уважать иностранную судебную власть и не требуетъ даже взаимности, хотя можно сказать, что начало взаимности есть естественное и необходимое основаніе всѣхъ международныхъ отношеній. Русскій законодатель далъ преимущество международнымъ соглашеніямъ. Впрочемъ, до сихъ поръ, Россія не заключила ни одного договора по этому предмету; предложеніе, сдѣланное нидерландскимъ правительствомъ по этому предмету, хотя и до сихъ поръ осталось мертвою буквою, но принято нашимъ правительствомъ въ серьозную консидерацію" (короче сказать, пріобщено къ дѣлу). „При отсутствіи договоровъ, продолжаетъ ст. 1273, суды должны примѣнять правила 1274—81". Мы выше видѣли, что статья 1273 этого вовсе не предписываетъ, но прямо запрещаетъ, и что эти статьи должны оставаться мертвою буквою, пока не заключено особыхъ трактатовъ, такъ какъ начало взаимности не признано нашимъ уст. гражд. суд.

Въ прошломъ году появился II томъ весьма замѣчательнаго сочиненія Ф. Ф. Мартенса „Современное международное право цивилизованныхъ народовъ" [1]). Здѣсь авторъ, разсматривая занимающій насъ вопросъ снова, на основаніи прежняго своего взгляда, кратко излагаетъ оба нижепомѣщенныя рѣшенія Сената,—такъ кратко, что существенные недостатки и достоинства ихъ вовсе стерты, затѣмъ продолжаетъ: „Основательнѣе съ точки зрѣнія текста 1273 ст. и теоріи первое толкованіе, по дѣлу Теодориди. Изъ основнаго принципа, провозглашеннаго Сенатомъ по дѣлу Адама contra Шипова, логически слѣдуетъ, что въ Россіи не должны быть даже признаны рѣшенія иностранныхъ судовъ, не только исполнены. Но въ такомъ случаѣ наши суды не должны признавать вообще иностранныхъ законовъ, ни правъ возникшихъ за-границею!—Очевидно, взглядъ, выраженный Сенатомъ, противорѣчитъ возможности международныхъ оборотовъ. Нельзя сослаться въ защиту этого взгляда на то

[1]) Спб. 1883. стр. 339—45.

обстоятельство, что между Россіей и тѣми государствами, съ которыми трактатовъ объ исполненіи рѣшеній незаключено, не существуетъ взаимности. Послѣдняя, дѣйствительно, лежитъ въ основаніи всѣхъ международныхъ сношеній, но нельзя предоставить рѣшеніе о ней судебному мѣсту, дѣлая единственнымъ ея признакомъ существованіе трактата. Взаимность возможна помимо трактата; но какъ констатировать ее суду? Очевидно, дѣло подлежащей административной власти довести до свѣдѣнія судовъ, какія государства поддерживаютъ ее. Къ тому же взаимность принципъ политическій, а не юридическій. Отсутствіе взаимности не можетъ уничтожить права, существующаго на основаніи судебнаго рѣшенія". Наконецъ, авторъ утверждаетъ, что шаткость принципа взаимности крайне невыгодно отражается на международныхъ частноправовыхъ интересахъ.

Главное достоинство капитальнаго труда автора о современномъ международномъ правѣ, и въ особенности весьма замѣчательной второй части его, гдѣ авторъ, подъ удачнымъ терминомъ „международнаго управленія", привелъ въ одну стройную систему, разбросанныя до сихъ поръ безъ всякой связи, разныя, возникшія въ новѣйшее время, явленія и данныя международнаго общенія, состоитъ въ томъ, что онъ, отказываясь отъ отвлеченныхъ положеній, подробно собираетъ отовсюду многочисленныя явленія самой жизни, изслѣдуетъ ихъ и приводя къ одному знаменателю,—выводитъ положительныя основныя ихъ начала. Къ сожалѣнію, въ настоящемъ вопросѣ онъ совершено упустилъ изъ виду принятый имъ единственно правильный способъ изслѣдованія, и задавшись отвлеченнымъ, составленнымъ a priori положеніемъ, старается во чтобы то ни стало провести оное, въ противность положительному закону и наличнымъ даннымъ судебной практики. Мы убѣждены, что даровитый авторъ и по отношенію къ этому вопросу обратится къ своему вѣрному способу изслѣдованія положительныхъ явленій жизни, отбросивъ предвзятую мысль о будто бы передовомъ и либеральномъ характерѣ нашего уст. гр. суд.. Загѣмъ ему нетрудно будетъ

сознаваться въ ошибочности своей статьи, написанной въ 1878 году. Разбирая все сказанное авторомъ, с тѣмъ, чтобы соединенными силами достигнуть истину, прежде всего замѣтимъ, что со всѣмъ тѣмъ, что авторъ говоритъ de lege ferenda можно согласиться; изъ всего нашего изложенія видно, что мы въ этомъ отношеніи съ нимъ согласны. Мы споримъ съ нимъ единственно de lege lata.

Что касается до бездоказательнаго увѣренія, что рѣшеніе по дѣлу Теодориди болѣе основательно, нежели рѣшеніе по дѣлу Адама, то мы отсылаемъ читателя къ напечатанному ниже подробному разбору сихъ рѣшеній. Далѣе замѣтимъ, что при разъясненіи смысла законовъ дѣло не въ принципахъ, а въ толкованіи буквальнаго текста. Отъ такого толкованія авторъ совершенно отстранился. Онъ даже ссылается не на текстъ 1273 ст., а на *точку зрѣнія* текста и *теорію*. Теорія же тутъ ни причемъ: она совершенно лишняя и ее слѣдуетъ вовсе не безпокоить. Положительный законъ самъ по себѣ, а теорія сама по себѣ, съ чѣмъ вѣроятно согласится и авторъ. Далѣе, зачѣмъ тутъ автору понадобилась точка зрѣнія 1273 статьи? Здѣсь ея нѣтъ еще вовсе. Ее слѣдуетъ еще установить, найти посредствомъ толкованія.

Остается, значитъ, одинъ буквальный текстъ 1273 ст. уст. гр. суд. Разобрать его развѣ? Толкованіе сенатомъ этой статьи, въ рѣшеніи по дѣлу Адама contra Шипова, совершенно независимо отъ законнаго авторитета сената, такъ незыблемо обосновано приведенными соображеніями мин. иност. дѣлъ и госуд. совѣта, что правильность его не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Далѣе, это толкованіе не только оправдывается исторически, оно единственно правильное и при простомъ, граматическомъ и логическомъ разборѣ статьи. По крайней мѣрѣ ни одинъ юристъ, ни одинъ логически мыслящій человѣкъ не можетъ ее толковать иначе. Если изъ этого толкованія выходитъ, что Россія, чрезъ эту, до сихъ поръ восхваляемую по своей либеральности статью, стала, въ опредѣленномъ вопросѣ, „внѣ европейскаго международнаго общенія, въ положеніе, которое противорѣчитъ возможности

международныхъ оборотовъ“,—то это весьма печальный фактъ, но ни этотъ фактъ, ни наша печаль, не могутъ измѣнить въ текстѣ статьи ни единой буквы. При толкованіи ея нашему чувству никакого мѣста нѣтъ, мы обязаны справиться единственно съ граматикой, да съ логикой. Наше чувство можетъ заставить насъ просить объ отмѣнѣ или измѣненіи закона, но пока онъ не измѣненъ, то какъ бы неудобны, непріятны или обидны для нашего національнаго самолюбія ни были послѣдствія или выводы изъ него, мы въ не правѣ поколебать его значеніе и придираться къ нему, чтобы измѣнить его смыслъ. Не даромъ же основные законы наши предостерегаютъ отъ „обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій“.

Если авторъ утверждаетъ, что вслѣдствіе сего толкованія наши суды не должны признавать ни иностранныхъ рѣшеній, ни правъ, возникшихъ за-границею, то онъ упускаетъ изъ виду, что въ русскихъ гражданскихъ законахъ и въ разныхъ консульскихъ и т. п. конвенціяхъ, есть положительныя постановленія о дѣйствіи иностранныхъ законовъ въ Россіи и о дѣйствительности возникшихъ за-границею правъ, постановленія, которыя не могутъ быть устраняемы никакими логическими выводами. Наконецъ, одно изъ основныхъ положеній всякаго законодательства гласитъ, что спеціальное правило должно оставаться таковымъ и не должно быть обращаемо въ общее правило. То, что авторъ говоритъ о взаимности, написано съ очевидною цѣлью выставить необходимость современной идеи международныхъ общихъ соглашеній, и не рѣшаетъ сущности дѣла. Не подлежитъ сомнѣнію, что международное соглашеніе самый лучшій, но и самый трудный, и самый хлопотливый способъ рѣшенія этого вопроса. Къ тому же дѣло идетъ не о лучшемъ рѣшеніи вопроса, но о томъ, какимъ образомъ онъ положительно рѣшенъ въ настоящее время. Въ концѣ концовъ съ этимъ согласенъ и авторъ, при чемъ доказываетъ, что начало взаимности, начало шаткое. Конечно авторъ правъ, если говоритъ: „нельзя предоставить рѣшеніе о взаимности судебному мѣсту, дѣлая единственнымъ

ея признакомъ существованіе трактата". Мы согласны, что этаго не слѣдуетъ. Мы утверждаемъ, что суду не только возможно, но слѣдуетъ предоставить рѣшеніе о взаимности, на томъ же самомъ основаніи, на какомъ онъ рѣшаетъ всякаго рода отдѣльные вопросы въ разбираемомъ дѣлѣ. Существованіе взаимности между двумя государствами должно быть доказано такимъ-же образомъ, какимъ доказываются всякіе другіе положительные факты. Вѣроятно авторъ согласится съ нами, что лучшее охраненіе какого бы то ни было права—охраненіе судебное, въ особенности для права, основаннаго на судебномъ рѣшеніи. Если авторъ утверждаетъ, что взаимность есть начало не юридическое, а политическое, то онъ опять правъ. Но въ основаніи этого начала правильной, реальной политики, лежитъ опять основное начало и предположеніе всякаго правоваго устройства, начало suum cuique. Suum cuique имѣетъ въ виду право, а взаимность—пользу. Взаимность, есть примѣненіе перваго начала къ политикѣ, и какъ всякое примѣненіе есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ извѣстномъ отношеніи, ослабленіе первоначальнаго принципа. Авторъ совершенно правъ: отсутствіе взаимности не можетъ уничтожить права и мы совершенно согласны съ нимъ, что всякое право должно быть охраняемо безусловно, не принимая во вниманіе никакихъ посторонихъ обстоятельствъ, ни взаимности, ни отсутствія ея, ни даже положительнаго отказа въ ней. Но не надо забывать, что слово *право* можетъ быть употребляемо въ различномъ смыслѣ. Матеріальное право не одно и то же, что формальное, оба могутъ совпадать, но они могутъ и не совпадать. Въ видѣ формальнаго права можетъ иной разъ являться и кривда, безусловно же должно быть охраняемо лишь *право*, а не кривда. Прибавленіемъ словъ „основанное на судебномъ рѣшеніи", авторъ ограничиваетъ понятіе права и приведенное положеніе получаетъ совершенно превратный смыслъ. Дѣло выходитъ какъ разъ наоборотъ. Мое право, въ истинномъ и безусловномъ смыслѣ этого слова, не основывается на судебномъ рѣшеніи, но судебное рѣшеніе основывается на принадлежащемъ мнѣ правѣ, и единственно это *право* должно быть охра-

няемо *безусловно*. Но мы человѣки, констатировать это право иной разъ весьма трудно. Вотъ почему мы выдумали судебныя рѣшенія (при которыхъ сначала большую роль играла драка, затѣмъ присяга, а теперь логически обоснованное убѣжденіе судей) и называемъ то, что установляется ими, правомъ. Но это право не одно и то же съ тѣмъ, что мнѣ первоначально принадлежало. Рѣшеніе даетъ, во всякомъ случаѣ, лишь формальное право, которое можетъ и не совпадать съ матеріальнымъ правомъ, такъ какъ суду многія обстоятельства могутъ оставаться неизвѣстными. Изъ практическихъ видовъ, ut aliquis litium finis esset- государство постановляетъ, что его подданные должны довольствоваться тѣмъ формальнымъ правомъ, которое установляютъ поставленные имъ судьи. Однако, никакъ нельзя отрицать право и обязанность государства защищать своихъ подданныхъ отъ иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, основанныхъ лишь на формальномъ правѣ, вслѣдствіе-ли неправильной защиты или судебной ошибки. Вотъ тутъ-то является начало взаимности. Если подданные двухъ или всѣхъ государствъ находятся подъ одинаковымъ рискомъ подвергнуться рѣшеніямъ лишь формально правильнымъ, то если не для отдѣльныхъ лицъ, то для всего общества и для государствъ шансы равны. Въ виду удобства, которое представляетъ распространеніе международнаго общенія для всѣхъ и каждаго, можно пожертвовать отдѣльными, при томъ лишь случайными интересами. Конечно, при семъ устанавливаются различныя условія и ограниченія, чтобы заключить возможную несправедливость въ самыя тѣсныя рамки. Вотъ почему эти ограниченія въ особенности усиливаются относительно чисто формальныхъ рѣшеній, заочныхъ и конкурсныхъ. —Во всякомъ случаѣ, оказывается, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ изображаетъ авторъ. Авторъ стремится къ достиженію совершенства, и это достойно всякой похвалы, но вполнѣ совершенныя учрежденія и законы предполагаютъ и равно совершенныя отношенія и обстоятельства. Напротивъ того, несовершенныя учрежденія и законы часто содержатъ въ себѣ соотвѣтственное исправленіе несовершен-

ства отношеній и обстоятельствъ. Такъ напр., для суровыхъ и чтящихся сильными современниковъ Русской Правды, новѣйшій проектъ уголовнаго уложенія оказался-бы совершенно непригоднымъ; имъ необходимы были суровыя начала кровавой мести и самосуда. Mutatis mutandis – это и нынѣ такъ!

Международное соглашеніе, какого добивается авторъ, еще далеко недостижимо немедленно, и намъ приходится, такъ или иначе, устроиться именно по началу взаимности. Держась этого начала можно достигнуть весьма и весьма многаго, путемъ самымъ простымъ и естественнымъ. Пусть только примѣнится это начало, гдѣ существуетъ какое-нибудь ручательство его соблюденія, или гдѣ оно мало-мальски вѣроятно, пусть предоставлено будетъ рѣшать этотъ вопросъ по своему, основанному на законѣ, усмотрѣнію судамъ, тогда на практикѣ будутъ достигнуты важные результаты и эти то результаты лучше всего приготовятъ и ускорятъ международное соглашеніе. Но для этого именно необходимо, чтобы примѣненіе сего начала было предоставлено судамъ, привыкшимъ рѣшать дѣла на основаніи права, а не административной власти, имѣющей въ виду, прежде всего, пользу, привыкшей руководствоваться политическими соображеніями и, весьма часто, политическими цѣлями и даже, къ сожалѣнію, политическими страстями.

Въ практикѣ нашихъ судовъ дѣло пошло подобнымъ образомъ, какъ и въ литературѣ, съ тѣмъ различіемъ, что, сколько намъ извѣстно, съ самаго начала окружные суды и судебныя палаты толковали и примѣняли ст. 1273 уст. гр. суд. совершенно правильно и отказывали въ исполненіи рѣшеній иностранныхъ судовъ еще въ началѣ 1871 года. Въ 1873 году прав. сенатъ публиковалъ кассаціонное рѣшеніе, которымъ, вслѣдствіе неправильнаго толкованія ст. 1273, упомянутый ложный взглядъ установился въ практикѣ, хотя не всѣ суды подчинялись ему. Въ 1882 году сенатъ опять покончилъ съ симъ, предписаннымъ имъ же, неправильнымъ толкованіемъ. Эти два кассаціонныхъ рѣшенія такъ характерны и поучительны для ознакомленія съ образомъ разсмотрѣнія и спосо-

бомъ рѣшенія сенатомъ казусныхъ дѣлъ, что мы помѣщаемъ оныя почти цѣликомъ.

Замѣтимъ, что администрація наша, по крайней мѣрѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и юстиціи, имѣли совершенно правильный взглядъ на сущность постановленій уст. гражд. суд. по этому вопросу, какъ это видно изъ приведеннаго выше циркуляра австрійскаго мин. юстиціи.

Кассаціонное рѣшеніе 17 октября 1873 г. № 1711, по дѣлу Теодориди:

Итальянецъ М. Серафини, русскіе подданные Ф. А. и С. Теодориди и турокъ Мурадъ-Оглу, были въ Константинополѣ въ спорѣ по ликвидаціи товарищества. По соглашенію между русскимъ посольствомъ, итальянскою миссіею и Портою, постановлено было, чтобы этотъ споръ рѣшался смѣшанною коммисіею. Въ актѣ, подписанномъ какъ договаривающимися, такъ и спорящими сторонами, установленъ порядокъ разсмотрѣнія и рѣшенія спора коммисіею, при чемъ опредѣлено: коммисія постановитъ окончательное рѣшеніе, которое должно быть исполнено правительствомъ проигравшей стороны, безъ всякаго возраженія. Смѣшанная коммисія постановила 7 марта 1869 года рѣшеніе. Представляя копіи акта и рѣшенія, Теодориди въ 1870 году обратились въ Одесскій окружный судъ съ просьбою о выдачѣ, на основаніи 1273 ст. уст. гражд. суд., исполнительнаго листа, для взысканія съ турецкаго подданнаго Мурадъ-Оглу, жительствующаго въ Одессѣ, 34,364 руб. Окружный судъ и судебная палата отказали просителямъ, потому что 1) буквальный смыслъ 1273 ст. уст. гр. суд. не допускаетъ никакаго сомнѣнія въ томъ, что исполненію въ предѣлахъ Россіи могутъ подлежать рѣшенія судовъ только тѣхъ государствъ, съ которыми заключены по сему предмету трактаты, и при томъ исполненіе должно производиться на основаніи правилъ, установленныхъ въ сихъ трактатахъ. Во второй половинѣ той же статьи говорится: „въ тѣхъ случаяхъ, когда ими (т. е. трактатами) не установлены самыя правила исполненія, соблюдается порядокъ, изложенный въ 1271—81“. Буквальный смыслъ первой половины этой статьи вполнѣ

соотвѣтствуетъ буквальному смыслу и второй ея половины, опредѣляющей, что рѣшенія тѣхъ иностранныхъ государствъ, съ которыми хотя и заключены трактаты объ ихъ исполненіи, но когда въ этихъ трактатахъ не содержится особыхъ правилъ о самомъ порядкѣ исполненія сихъ рѣшеній, приводятся въ исполненіе порядкомъ, изложеннымъ въ 1274 и слѣд. ст. Таковому буквальному смыслу ст. 1273 вполнѣ противорѣчитъ то толкованіе, что будто-бы, даже если бы и не существовало трактата, рѣшенія иностранныхъ судовъ приводятся въ исполненіе въ предѣлахъ Россіи, ибо въ ст. 1273 нигдѣ не выражено того общаго правила, которое положено въ основаніе приведеннаго толкованія, что, во всякомъ случаѣ, рѣшенія иностранныхъ судовъ подлежатъ исполненію въ Россіи. Если бы законодательство имѣло въ виду постановить таковое правило, то, очевидно, что оно было бы высказано съ совершенною ясностью, ибо правило это, по важности своей, не можетъ быть предположено, а для существованія своего должно быть точно и опредѣлительно выражено, ибо оно распространитъ дѣйствіе судебныхъ иностранныхъ мѣстъ внѣ ихъ территоріи, въ предѣлы Россіи. Если въ ст. 893 уст. гр. суд. признано было необходимо помѣстить особое постановленіе объ обязательности рѣшеній нашихъ судовъ, а въ ст. 1267 постановлено объ обязательности рѣшеній судовъ Ц. Польскаго и В. К. Финляндскаго, то невозможно допустить, чтобы законодатель считалъ излишнимъ помѣщать правила объ обязательности исполненій иностранныхъ судовъ. 2) Объ споряція стороны согласны въ томъ, что между Россіею и Турціею не существуетъ трактата объ исполненіи судебныхъ рѣшеній, слѣдовательно, къ данному случаю не могутъ быть примѣнены правила 1274—81 и рѣшеніе, представленное къ дѣлу, не можетъ быть приведено въ исполненіе. 3) Ст. 1273 уст. гр. суд. не можетъ быть примѣнена къ настоящему случаю и потому, что рѣшеніе, исполненія коего домогаются просители, не есть рѣшеніе иностраннаго суда, а особо на сей именно предметъ составленной международной коммиссіи, причемъ образъ исполненія рѣшенія су-

дебной коммисіи былъ предусмотрѣнъ и опредѣленъ въ самой конвенціи.

Вслѣдствіе кассаціоннаго прошенія истцовъ дѣло было перенесено въ сенатъ, который нашелъ: что Одесская судебная палата отказала въ разрѣшеніи на исполненіе въ Россіи рѣшенія коммисіи по дѣлу Теодориди, Серафими и Мурадъ-Оглу на томъ основаніи: 1) что по ст. 1273 у. гр. суд. исполненію въ предѣлахъ Россіи могутъ подлежать рѣшенія судовъ лишь тѣхъ государствъ, съ которыми заключены по сему предмету взаимные договоры, 2) что ст. 1273 говоритъ о рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ иностраннаго государства, а Теодориди просятъ объ исполненіи рѣшенія не судебнаго мѣста, а особой международной коммисіи, при учрежденіи которой было предусмотрѣно и опредѣлено исполненіе ея рѣшенія. Оба эти основанія правительствующій сенатъ не можетъ признать согласными съ точнымъ смысломъ 1273 ст. Въ этой статьѣ вовсе не выражено, чтобы въ Россіи могли подлежать исполненію рѣшенія судебныхъ мѣстъ тѣхъ только государствъ, съ которыми заключены по этому предмету договоры. Эта статья не установляетъ никакого ограниченія относительно исполненія рѣшеній судебныхъ мѣстъ какихъ либо государствъ. Въ 1273 ст. сказано, что рѣшенія судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ исполняются на основаніи правилъ, установленныхъ по сему предмету взаимными договорами; въ тѣхъ случаяхъ, когда они не установлены самыя правила исполненія, соблюдается порядокъ, изложенный въ 1274 и слѣд. ст. Буквальный смыслъ этой статьи указываетъ, что она касается только порядка исполненія рѣшеній иностранныхъ судовъ и въ этомъ именно отношеніи упоминаетъ о трактатахъ, отдавая содержащимся въ нихъ, по этому предмету, указаніямъ, преимущественную силу передъ правилами 1274—81 ст. о порядкѣ исполненія рѣшеній. Подтвержденіемъ этому служитъ и журналъ государственнаго совѣта по проектамъ уст. гр. суд. Разсматривая проектированныя правила объ исполненіи рѣшеній судовъ Ц. Польскаго, В. К. Финляндскаго и государствъ иностранныхъ, совѣтъ нашелъ, что за-

ключенными и заключаемыми съ иностранными державамитрактатами установляются иногда правила о порядкѣ исполненія въ Россіи рѣшеній судовъ иностранныхъ и наоборотъ, слѣдовательно, въ проектѣ должно быть оговорено, что этими правилами и слѣдуетъ руководствоваться относительно исполненія такихъ рѣшеній; что же касается до тѣхъ случаевъ, когда по этому предмету въ международныхъ договорахъ не существуетъ указаній, то въ порядкѣ исполненія рѣшеній иностранныхъ судовъ ничего не остается болѣе, какъ руководствоваться тѣми правилами, которыя установлены въ настоящей главѣ (журн. соедин. деп. законовъ и гражданскихъ дѣлъ, 1864. № 44 стр. 89). Изъ этихъ словъ, послужившихъ основаніемъ для 1273 ст. уст. гр. суд., вытекаетъ съ полною очевидностью, что этою статьею предполагалось опредѣлить исключительно порядокъ исполненія рѣшеній иностранныхъ судовъ. Такимъ образомъ, изъ 1273 ст. нельзя вывести того положенія, что въ Россіи подлежатъ исполненію рѣшенія судебныхъ мѣстъ не всѣхъ иностранныхъ государствъ, а только тѣхъ, съ которыми заключены по сему предмету взаимные трактаты. Подобное правило было предложено коммисіею, составлявшею первоначальный проектъ судебныхъ уставовъ, что въ Россіи приводятся въ исполненіе рѣшенія судебныхъ мѣстъ тѣхъ иностранныхъ государствъ, въ которыхъ, на основаніи трактатовъ или законовъ, исполняются рѣшенія русскихъ судовъ, но при разсмотрѣніи проекта въ гос. совѣтѣ правило это не было включено въ проектъ устава и затѣмъ, въ самомъ уст. гр. суд. не выражено никакого ограниченія относительно возможности исполненія въ Россіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ какихъ либо иностранныхъ государствъ. Вслѣдствіе сего, исполненіе въ Россіи рѣшенія иностраннаго суда, на основаніи 1274—81 ст. уст. гр. суд., можетъ быть допущено совершенно независимо отъ того, въ какомъ государствѣ постановлено рѣшеніе, есть ли трактатъ, разрѣшающій исполненіе рѣшеній судовъ этого государства въ Россіи, допускается ли въ этомъ государствѣ исполненіе рѣшеній русскихъ судовъ, и постановлено въ зависимость отъ совер-

менно иныхъ условій, а именно: требуется только разрѣшеніе суда имперіи (1274 ст.). которое дается, если рѣшеніе, подлежащее исполненію по законамъ того государства, въ которомъ оно состоялось (ст. 1276), не заключаетъ въ себѣ распоряженій, противныхъ общественному порядку или недопускаемыхъ законами имперіи (ст. 1273), и не имѣетъ своимъ предметомъ иска о правѣ собственности на недвижимое имѣніе, находящееся въ Россіи (ст. 1281). Поставляя возможность исполненія въ Россіи рѣшенія иностраннаго суда въ зависимость не отъ однихъ этихъ условій, а прежде всего отъ существованія трактата, по сему предмету, между Россіею и тѣмъ государствомъ, судомъ котораго постановлено рѣшеніе, Одесская судебная палата находитъ, что если бы законодательство имѣло въ виду допустить исполненіе въ Россіи рѣшеній судовъ всѣхъ иностранныхъ государствъ, то высказало бы это съ совершенною ясностью, тѣмъ болѣе необходимою, по мнѣнію палаты, что въ уст. гр. суд. помѣщены особыя правила объ обязательности рѣшеній судовъ, какъ Россійской Имперіи (ст. 893), такъ и Ц. Польскаго и В. К. Финляндскаго (ст. 1267). Это разсужденіе палаты основано на неправильномъ толкованіи статей закона. Возможность исполненія въ Россіи рѣшеній судовъ всѣхъ иностранныхъ государствъ, выражена съ положительною точностью въ уст. гр. суд. Общее правило по этому предмету содержится въ 1274 ст., которая опредѣляетъ, что рѣшенія иностранныхъ судовъ приводятся въ исполненіе въ имперіи, съ разрѣшенія судовъ имперіи. Эта статья, допуская исполненіе въ Россіи рѣшеній иностранныхъ судовъ, не установляетъ никакихъ ограниченій по отношенію къ государствамъ, гдѣ состоялось рѣшеніе. Что 1274 ст. имѣетъ значеніе общаго правила, установляющаго возможность исполненія въ Россіи рѣшеній иностранныхъ судовъ, это ясно также изъ сопоставленія этой статьи именно съ приводимою Одесскою судебною палатою ст. 1267, опредѣляющею, что рѣшенія судовъ Ц. Польскаго и В. К. Финляндскаго приводятся въ исполненіе въ имперіи, съ разрѣшенія судовъ имперіи. Ре-

дакція обѣихъ статей совершенно одинакова. Вслѣдствіе сего, если 1267 ст. имѣетъ тотъ смыслъ, что ею установляется возможность исполненія въ имперіи рѣшеній судовъ Ц. Польскаго и В. К. Финляндскаго, то и въ 1274 ст., какъ изложенной въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, слѣдуетъ признать такое же правило по отношенію къ рѣшеніямъ иностранныхъ судовъ. Если же, наоборотъ, не придавать 1274 ст. значенія правила, установляющаго возможность въ Россіи рѣшеній иностранныхъ судовъ, то пришлось бы признать, что и 1267 ст. не установляетъ такого правила для рѣшеній судовъ Ц. Польскаго и В. К. Финляндскаго, чего нельзя допустить, потому что нѣтъ другаго закона, разрѣшающаго исполненіе въ имперіи этихъ рѣшеній. Правило объ исполненіи иностранныхъ судебныхъ рѣшеній не могло быть изложено въ той же формѣ, въ какой опредѣлена обязательность рѣшеній русскихъ судовъ въ 893 ст., на которую указываетъ Одесская судебная палата, потому что рѣшенія русскихъ судовъ дѣлаются обязательными и обращаются къ исполненію вслѣдствіе одного факта вступленія рѣшенія въ законную силу а рѣшенія судовъ Ц. Польскаго, В. К. Финляндскаго и иностранныхъ государствъ подлежатъ исполненію въ имперіи только тогда, когда это будетъ разрѣшено опредѣленіемъ русскаго суда. Всѣ эти соображенія приводятъ къ заключенію о неправильности всѣхъ разсужденій Одесской судебной палаты. Точно также неправильнымъ оказывается и другое соображеніе, что рѣшеніе по дѣлу Теодориди, рѣшеніе не иностраннаго суда, а особой, для разбора этого дѣла составленной международной коммисіи. Правит. сенатъ не находитъ никакого основанія толковать ст. 1273—81 у. гр. суд. въ томъ смыслѣ, что въ нихъ предусмотрѣны рѣшенія только постоянныхъ судебныхъ мѣстъ, но что они не распространяются на рѣшенія третейскаго суда и вообще судовъ временныхъ, учреждаемыхъ только для одного дѣла. Рѣшеніе третейскаго суда или суда, учреждаемаго въ установленномъ порядкѣ для разбора исключительно одного дѣла, есть судебное рѣшеніе, имѣющее одинаковую силу съ рѣшеніемъ суда

постояннаго. При отсутствіи различія между этими рѣшеніями, въ отношеніи обязательной ихъ силы, не можетъ существовать разницы касательно приведенія ихъ въ исполненіе. Въ виду вышеизложеннаго, представляется несомнѣннымъ, что ст. 1273—81 уст. гр. суд. распространяются на всѣ рѣшенія, признаваемыя по законамъ того государства, гдѣ они состоялись, въ силѣ судебныхъ рѣшеній, подлежащихъ исполненію, безъ различія между рѣшеніемъ суда, постоянно существующаго для разбора судебныхъ дѣлъ, и рѣшеніемъ временнаго судебнаго установленія, образованнаго исключительно для разбора одного дѣла, лишь бы только этому установленію была присвоена въ законномъ порядкѣ судебная власть. Что же касается, наконецъ, того соображенія Одесской судебной палаты, что въ самомъ актѣ 15 января 1868 г. предусмотрѣно и опредѣлено исполненіе рѣшенія этой коммисіи, то этотъ актъ нельзя приравнивать къ тѣмъ трактатамъ, о которыхъ говорится въ 1273 ст. Въ актѣ указана только держава, на которую возложено исполненіе, и слѣдовательно предусмотрѣно исполненіе въ предѣлахъ территоріальныхъ владѣній этой лишь державы, но не опредѣленъ самый порядокъ исполненія вообще и не установлено, въ какомъ порядкѣ должно послѣдовать исполненіе, когда оказывается необходимымъ исполнить рѣшеніе въ другомъ государствѣ, поэтому, въ силу 1273 ст., въ такомъ случаѣ должны быть примѣняемы ст. 1274—81 уст. гр. суд.

По всѣмъ приведеннымъ основаніямъ, находя, что Одесскою судебною палатою допущено нарушеніе прямаго смысла 1273 ст. уст. гр. суд., правит. сенатъ опредѣляетъ: отмѣнить опредѣленіе Одесской судебной палаты и передать дѣло въ Харьковскую судебную палату.

Мы уже упомянули, что самъ правит. сенатъ объявилъ высказанный въ этомъ рѣшеніи взглядъ на значеніе 1273 ст. совершенно несостоятельнымъ. Несмотря на то, само по себѣ, рѣшеніе сенатомъ дѣла Теодориди вполнѣ справедливо и законно. Рѣдко можно встрѣтить правильное рѣшеніе, основанное на совершенно сбивчивыхъ и вполнѣ несостоя-

тельныхъ соображеніяхъ, противорѣчащихъ всякой логикѣ и толкующихъ законъ въ такой степени въ противность прямому смыслу его, гдѣ совершенно упускаются изъ виду весьма близкіе, дѣйствительные и вполнѣ законные доводы.

Прежде всего оказывается, что хотя Одесская судебная палата неправильно отказала въ исполненіи рѣшенія судебной коммисіи въ пользу Теодориди, толкованіе ею статьи 1273 вполнѣ правильно и эта статья къ дѣлу Теодориди не примѣнима. Неосновательны же соображенія палаты по 3-му пункту. Она отказала просителю потому, что рѣшеніе, не рѣшеніе иностраннаго суда, а какой то международной коммисіи. Кажется тутъ сказывалось чувство собственнаго достоинства суда, утверждающаго, что по судебнымъ уставамъ 1864 г., спорныя дѣла могутъ быть рѣшаемы лишь судебными мѣстами, а не коммисіями, назначенными административною властью, тѣмъ менѣе международными, и если наше посольство вмѣшивалось въ спорныя судебныя дѣла, то пусть само позаботится объ ихъ исполненіи. Къ сожалѣнію, дѣло вовсе не такъ. Палата совершенно забыла о дѣйствующихъ законахъ, не справилась съ источниками. Она упустила изъ виду, что русскіе подданные въ Турціи состоятъ подъ судебнымъ завѣдываніемъ русскаго посла и что его дѣйствія и распоряженія должны быть обсуждаемы не по судебнымъ уставамъ, а по учрежденіямъ и уставамъ торговымъ, т. е. вообще по прежнему законодательству. Ст. 2145 уст. торг. гласитъ: „Для разсмотрѣнія возникающихъ между россійскими подданными, торгующими въ Леевантѣ, тяжбъ, учреждаются посольствомъ коммисіи, коихъ дѣйствія подвергаются непосредственному надзору россійскаго посла“. Ст. 2148: „Дѣла по апелляціи, для россійскихъ подданныхъ, равно какъ и для иностранцевъ съ русскими подданными, рѣшенныя въ коммисіяхъ, поступаютъ на ревизію II (т. е. стараго) деп. пр. сената.“ Въ настоящемъ дѣлѣ, споръ происходилъ между русскимъ, итальянскимъ и турецкимъ подданными, при томъ подсудность отвѣтчика не могла имѣть значенія, такъ какъ всѣ были въ одно и тоже время и истцами и отвѣтчиками. Поэтому, каждое правительство имѣло

право на юрисдикцію. Единственный выходъ изъ затруднительнаго положенія представило назначеніе общей судебной коммисіи. Назначеніе такой коммисіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, было также единственнымъ законнымъ способомъ рѣшенія пререканія Въ русскомъ правѣ искони, вплоть до изданія уставовъ 1864 г., подобныя пререканія устранялись назначеніемъ смѣсныхъ судовъ. Не упоминая о болѣе древнемъ времени, по своду законовъ споры городскихъ обывателей съ лицами, подвѣдомственными уѣзднымъ судамъ, рѣшаются не иначе, какъ въ общемъ присутствіи уѣзднаго суда и магистрата (ст.ст. 4020—22, 4531 и 4532 учрежденій губернскихъ т. II св.зак. изд. 1857 г.). Уст. гр. суд. 1864 г. не знаетъ этаго начала, но онъ не знаетъ и судебной власти консуловъ и посла въ Леванте. И такъ, по русскому праву, дѣло Теодориди, Серафини и Мурадъ-Оглу было вполнѣ подсудно международной судебной коммисіи. Такъ какъ ей, вмѣстѣ съ тѣмъ, соглашеніемъ спорящихъ сторонъ былъ придавъ характеръ третейскаго суда, съ чѣмъ согласенъ и сенатъ, то исключеніе права апелляціи также должно быть признано вполнѣ законнымъ, не только по прежнему праву, но и по уст. гр. суд. Во всякомъ случаѣ, апелляція не была принесена и осмидневный срокъ пропущенъ, чѣмъ рѣшеніе коммисіи вступило въ законную силу и должно было быть приведено въ исполненіе въ Россіи, какъ окончательное рѣшеніе суда, которому, по русскому праву, это дѣло подсудно. Конечно, истцы поступили неправильно, ссылаясь при этомъ на ст. 1273; они должны были основывать свою просьбу о выдачѣ исполнительнаго листа на ст. 893. уст. гр. суд. Однако, jura novit curia и Одесская палата была обязана примѣнить надлежащій законъ; такъ какъ она не сдѣлала этого, то ея рѣшеніе должно было быть отмѣнено. Оно и было отмѣнено, только на основаніи совершенно неправильныхъ соображеній. Весьма странное впечатлѣніе производятъ на читателя рѣзкія выраженія, въ которыхъ сенатъ объявляетъ совершенно правильное толкованіе ст. 1273 Одес. суд. палатою, неправильнымъ и нарушающимъ прямой смыслъ закона, а свое собственное, вполнѣ

неправильное толкованіе, положительнымъ и точнымъ, и наконецъ доходитъ до того, что утверждаетъ: „если не придавать ст. 1274 этого значенія, то пришлось бы признать, что и 1267 ст. не устанавляетъ такого правила для рѣшеній судовъ Ц. Польскаго и В. К. Ф—аго, чего нельзя допустить, потому что нѣтъ другаго закона“—при чемъ послѣднее выраженіе не имѣетъ значенія довода. Чрезъ десять лѣтъ сенатъ, съ такою же рѣзкостью, осуждаетъ противоположное толкованіе, лишь вскользь упомяная, что оно имъ же было дано. Еще страннѣе, что сенатъ совершенно справедливо нашелъ, что отказъ палаты въ исполненіи рѣшенія международной судебной коммисіи, какъ некомпетентной, неправиленъ, а между тѣмъ этотъ единственный, дѣйствительный поводъ къ отмѣнѣ, оставляетъ на второмъ планѣ, приводя его лишь мимоходомъ. Сенатъ, точно также, какъ и палата, не справился съ закономъ, а ограничился логическими выводами. Впаче не случилось бы, что прав. сенатъ предписалъ руководствоваться,—при исполненіи рѣшенія законно установленнаго чрезвычайнаго суда, который, по обстоятельствамъ, слѣдовало признать наравнѣ съ судами имперіи или по крайней мѣрѣ компетентнымъ по русскимъ законамъ, и исполненіе рѣшенія котораго должно было быть такое же, какъ и для судовъ, учрежденныхъ по прежнему порядку,—правилами, установленными для приведенія въ исполненіе рѣшеній иностранныхъ судовъ, а не тѣми, которыя предписаны для исполненія рѣшеній судовъ имперіи. Наконецъ, еще болѣе странно то, что при составленіи сего кассаціоннаго рѣшенія ссылаются на протоколы госуд. совѣта, изъ которыхъ прав. сенатъ въ 1882 году заимствовалъ сильнѣйшіе доводы для противоположнаго толкованія. Однако, это объясняется тѣмъ, что хотя въ кассаціонномъ рѣшеніи по дѣлу Теодориди приводится № и страницы подлинныхъ протоколовъ госуд. совѣта, но все это, вмѣстѣ съ цитатою, дословно выписано изъ вышеупомянутаго изданія государственной канцеляріи,—и оказывается, что подлинные протоколы госуд. совѣта въ виду сената не были.

Спрашивается, какъ это возможно, что для обоснованія

рѣшенія, въ сущности своей совершенно правильнаго, приведено пропасть неосновательныхъ доводовъ и упущены изъ виду именно настоящія, законныя соображенія? По нашему мнѣнію, это объясняется порядкомъ или скорѣе безпорядкомъ, въ которомъ у насъ иной разъ составляются судебныя рѣшенія.

Уставъ гр. суд. предписываетъ, что рѣшеніе постановляется немедленно по окончаніи словеснаго состязанія, и сущность его провозглашается немедленно же, въ открытомъ засѣданіи суда, и что для составленія подробнаго, изложеннаго на письмѣ рѣшенія, дается двухнедѣльный срокъ. Для негласнаго обсужденія дѣла предъ рѣшеніемъ, предписано, что сужденію о дѣлѣ предшествуетъ постановленіе предсѣдателемъ вопросовъ, выводимыхъ изъ требованій и возраженій тяжущихся. По постановленіи вопросовъ судъ приступаетъ къ самому постановленію рѣшенія, для сего предсѣдатель отбираетъ мнѣнія всѣхъ членовъ. Значитъ, по смыслу этихъ статей, рѣшеніе постановляется отвѣтами на вопросы. Прежде всего весьма страпно, что въ гражданскомъ процесѣ,—гдѣ стороны одни, и почти безусловно, распоряжаются тѣмъ матеріаломъ, на основаніи котораго рѣшается дѣло, и судъ не вправѣ ни собирать доказательствъ, ниже постановлять рѣшенія о предметахъ, о коихъ не предъявлено требованія, ни присуждать болѣе того, что требовалось тяжущимися стороны вовсе не участвуютъ въ составленіи вопросовъ и даже не имѣютъ никакой возможности впослѣдствіи узнать какіе были постановляемы вопросы. Между тѣмъ, при постановкѣ вопросовъ можетъ быть предрѣшено само дѣло. Постановка вопросовъ можетъ быть неправильна и нѣтъ возможности ее поправить! Далѣе, подъ „сущностью рѣшенія“, практика русскихъ судовъ, не исключая сената, понимаетъ исключительно verba decisiva, слова, содержащія въ себѣ то, что кому либо присуждается или въ чемъ ему отказывается, безъ всякаго, даже самаго отдаленнаго указанія на соображенія. Присутствующая при разбирательствѣ гражданскихъ дѣлъ публика, слушавшая все дѣло, остается, когда судьи удаляются для совѣщанія, совер-

менно въ невѣденіи о томъ, какіе вопросы считаются судьями существенными, какимъ образомъ судъ постановилъ оные,— и почти всегда поражается, когда вдругъ, ни съ того, ни съ другаго, безъ самомалѣйшихъ доводовъ, провозглашается: присудить А съ Б. 3464 рубля — точно обухомъ по головѣ. Слушатель болѣе или менѣе оглушенъ или ошеломленъ, но никакъ не убѣжденъ. Совершенно другое впечатлѣніе производитъ публичное разбирательство въ другихъ европейскихъ странахъ, гдѣ verbis decisivis всегда предшествуетъ хоть самое краткое указаніе на важнѣйшія соображенія. Мы того мнѣнія, что наша практика, въ этомъ отношеніи, во первыхъ, ни на что не похожа, и во вторыхъ—положительно вредна. Вредна она въ томъ отношеніи, что преобладающее большинство людей всегда постарается устроиться какъ можно удобнѣе и отъ трудной работы отдѣлаться какъ можно скорѣе. Если, поэтому, законъ именно не требуетъ. а ревностный товарищъ или осмотрительный и энергичный предсѣдатель не поддержатъ единство разумной практики, по которой, при обсужденіи дѣла, непремѣнно, предметами преній должны быть прежде всего доводы и соображенія, т. е. мотивы, то любители удобства найдутъ гораздо болѣе практичнымъ избавиться отъ долгихъ разсужденій по доводамъ и основаніямъ спорнаго права, разсужденій, требующихъ умственнаго труда, необходимости основательно вникнуть въ дѣло, отдѣлить сущность отъ прилетѣвшихъ побочныхъ обстоятельствъ, сообразить разные возможные взгляды на законъ, вдаваться въ точное, подробное, обстоятельное толкованіе. При томъ судьи завалены дѣлами; чѣмъ скорѣе рѣшаются оныя, тѣмъ большую способность докажутъ судьи. Часто просто времени нѣтъ на основательное обсужденіе дѣла. Вотъ тутъ то и появляется практика прямо ставитъ вопросъ такъ: должно ли присудить А 3464 руб. съ Б. Отвѣчать да или нѣтъ, для большинства, гораздо легче, чѣмъ разъяснять законные мотивы, почему А должна быть присуждена требуемая имъ сумма, при томъ, при простомъ голосованіи по предлагаемымъ вопросамъ не теряешь дорогаго времени. Простое же да, можетъ закрывать собою

самые различные, даже противорѣчащіе мотивы. При простомъ голосованіи это противорѣчіе можетъ не выходить наружу, при обсужденіи же мотивовъ, принужденіе всякаго излагать свое мнѣніе, свои основанія, непремѣнно выводитъ на свѣтъ различіе мнѣній и приведетъ, можетъ быть, къ совершенно противоположному рѣшенію. При теперешнемъ порядкѣ, немедленнаго объявленія мотивовъ не требуется, приводить и составить ихъ дѣло члена, коему поручено составленіе подробнаго рѣшительнаго опредѣленія. Всякій, кому извѣстны наши судебные порядки, согласится со мною, что подобныя вещи весьма и весьма возможны. Намъ сообщено изъ совершенно вѣрнаго источника, что въ одномъ изъ окружныхъ судовъ случилось, что при изготовленіи рѣшенія оказалось, что резолюцію никакъ мотивировать нельзя и что суду пришлось измѣнить, частнымъ образомъ, свою собственную, провозглашенную уже резолюцію.

Оригиналомъ, хотя не единственнымъ, нашего устава, можно считать французское code de procedure civile. Хотя нашъ уставъ во многомъ отступаетъ отъ своего оригинала, иной разъ даже измѣненъ противъ него къ лучшему, но какъ ни одна копія оригинала не достигаетъ, точно такъ же и нашъ уставъ, во многомъ, плохая копія, главнымъ образомъ потому, что вмѣстѣ съ французскимъ уставомъ не перенесъ къ намъ сущность французской юриспруденціи, результаты величавой практики, считающей свое существованіе вѣками. Code не выдуманъ, не сочиненъ на основаніи отвлеченныхъ началъ, какъ нашъ уставъ, не перенесенъ съ чужой почвы, не повторенъ съ чужаго голоса.

При составленіи его легло въ основаніе прежнее, глубоко вкоренившееся законодательство и развитая юриспруденція, которая поддерживается весьма послѣдовательной практикой и традиціей, которая уважается и постоянно разработывается, такъ что статьи закона окружены цѣлою системою установившихся твердыхъ понятій, толкованій, традицій и обыкновеній, получившихъ свое выраженіе даже въ многочисленныхъ дополнительныхъ положеніяхъ и распоряженіяхъ. Вслѣдствіе этого, каждая статья, каждое слово, имѣютъ свое

опредѣленное значеніе, опредѣленный смыслъ, которые долженъ знать каждый юристъ и отступать отъ которыхъ никому въ голову не приходитъ, хотя бы обыкновенное значеніе извѣстнаго слова или простой логическій смыслъ извѣстной статьи допускали различныя толкованія. Юристъ, который упустилъ бы изъ виду эти твердо сложившіяся понятія и взялся бы толковать статью по ея отвлеченно-логической постройкѣ, сдѣлался бы просто смѣшнымъ. По code de procédure civile, рѣшеніе провозглашается устно и затѣмъ немедленно записывается греффье, который составляетъ minute устнаго рѣшенія, называемую plumitif. О содержаніи устнаго рѣшенія и plumitif, въ code нѣтъ подробнаго правила, только сказано, что оно должно заключить въ себѣ краткое рѣшеніе и что, конечно, не можетъ содержать въ себѣ все то, что потомъ помѣщается въ подробно составленномъ, на основаніи plumitif, рѣшеніи. О необходимости мотивовъ для plumitif ни слова, точно также какъ и у насъ. Между тѣмъ, ни одному французскому юристу и въ голову не приходитъ, чтобы возможно было провозглашать устное рѣшеніе безъ краткаго указанія мотивовъ: vue que... vue que... Если бы французскому юристу сказать: въ Европѣ есть страна, гдѣ провозглашаютъ рѣшенія безъ указанія на мотивы, потому что нѣтъ особаго указа или распоряженія начальства о томъ, онъ спроситъ: mais est ce qu'il n'ya donc pas de jurisprudence dans ce pays la? Для человѣка, привыкшаго къ логическому мышленію, привыкшаго постоянно дать себѣ и публикѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, въ чемъ и заключается главное значеніе публичныхъ засѣданій, изрѣченіе соломоновскихъ, ничѣмъ немотивированныхъ рѣшеній, просто немыслимо.

Странное явленіе вполнѣ справедливаго и законнаго рѣшенія, и вполнѣ неправильнаго и противорѣчащаго законамъ обоснованія онаго, невольно приводитъ къ заключенію, что рѣшеніе и выставленныя основанія его не имѣютъ между собою внутренней связи, что рѣшеніе само по себѣ, а выставленныя соображенія сами по себѣ. Весьма и весьма возможно, что послѣ прочтенія рѣшенія Одесской суд. палаты, всякій сказалъ себѣ:

какъ бы тамъ ни было со статьей 1273 г., во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что искъ Теодориди вполнѣ законный и правильный, и отказъ въ искѣ нарушаетъ несомнѣнное положительное право; это ясно какъ дважды два четыре; это ни съ чѣмъ не сообразное дѣло; надо во чтобы то ни стало перерѣшить, отмѣнить рѣшеніе; невозможно, чтобы не нашлись законные поводы и достаточное основаніе. За таковыми обратились, затѣмъ, къ судебнымъ уставамъ, совершенно забывая о торговомъ уставѣ. Благо сенатъ имѣетъ право толкованія, такъ что же тутъ долго соображать, главное недопускать вопіющей несправедливости! Наконецъ, тутъ оказывалось еще весьма непріятное и обидное для національнаго самолюбія сцѣпленіе обстоятельствъ. Извѣстно, какова судебная расправа въ Турціи; иновѣрецъ не можетъ добиться своего права противъ мусульманина. Въ свое время эта несправедливость привела къ установленію судебной власти пословъ и консуловъ надъ ихъ соотечественниками. Въ нашемъ случаѣ, удалось устранить пререканіе и очевидно имѣли въ виду Турцію и извѣстное неисчерпаемое искуство ея въ проволочкахъ; постановляя въ конвенціи, что государство, чей подданный будетъ присужденъ къ платежу, обязано исполнить рѣшеніе безпрекословно. Теперь вдругъ оказалось, что присужденный къ платежу турецкій подданный ограждается отъ справедливаго требованія русскаго подданнаго не турецкими властями, а русскою и притомъ судебною властью. Можно себѣ представить, съ какимъ ехиднымъ злорадствомъ турецкое правительство объявило: мы ничего! рады бы исполнить рѣшеніе, да нельзя! Ваши же независимые суды отказываютъ! Должно быть дѣло не такъ, какъ вы старались убѣждать насъ, коли сами ваши суды защищаютъ мусульманина! Положеніе дѣйствительно нестерпимое: не произволъ турецкаго правительства, а свои собственные, по европейскому образцу устроенные суды, лишаютъ русскихъ подданныхъ ихъ несомнѣннаго, окончательнымъ судебнымъ рѣшеніемъ признаннаго права, въ пользу ловкаго мусульманина. Конечно, дѣло не могло оставаться такъ,—и мы

указали, какъ слѣдовало поступать по закону. Къ сожалѣнію поступили не такъ: настоящій законъ, ясно и несомнѣнно рѣшающій дѣло, оставили въ сторонѣ и схватились за законъ непримѣнимый къ дѣлу, и неправильнымъ толкованіемъ объявили оный примѣнимымъ. Смущали суды неправильнымъ толкованіемъ—пока, наконецъ, чрезъ 10 лѣтъ, самъ сенатъ не убѣдился въ неправильности собственнаго своего толкованія и не отмѣнилъ сего толкованія.

Это второе кассаціонное рѣшеніе, возстановившее правильное толкованіе 1273 ст. уст. гр. суд., воспослѣдовало 27 января и 18 марта 1882 года. Оно слѣдующаго содержанія:

20 іюня 1877 года, повѣренный французскаго подданнаго Адама, присяжный повѣренный Танѣевъ, подалъ прошеніе въ Московскій окружной судъ, о взысканіи съ Д. С. С. Шипова 23807 р., присужденныхъ Сенскимъ гражданскимъ судомъ 10 апрѣля 1872 года съ него въ пользу Адама. М. О. С., находя, что надпись русскаго ген. конс. въ Парижѣ неудостовѣряетъ того, чтобы это рѣшеніе подлежало исполненію, какъ это требуетъ ст. 1276 уст. гр. суд., отказало въ ходатайствѣ. На частную жалобу воспослѣдовалъ отказъ и со стороны М. С. П. Это опредѣленіе было отмѣнено правит. сенатомъ, указомъ 25 іюня 1880 г., въ которомъ объяснено было, что М. С. П. въ силу уст. гр. суд., пришла къ заключенію, что возможность исполненія въ Россіи рѣшенія суда иностраннаго государства обусловлена существованіемъ трактата о взаимномъ исполненіи судебныхъ рѣшеній, и что ст. 1274—81 уст гр суд., примѣняются въ томъ лишь случаѣ, когда въ существующемъ трактатѣ не содержится никакихъ особыхъ указаній по сему предмету. Основываясь на сихъ соображеніяхъ и въ виду того, что подобнаго договора между Россіею и Франціею не имѣется, палата отказала истцу. Между тѣмъ въ 1273 ст. уст гр. суд. не выражено того положенія, которое вывела палата. Въ этой статьѣ только изъяснено, что рѣшенія судовъ иностранныхъ исполняются на основаніи правилъ, установленныхъ по сему предмету трактатами, а въ тѣхъ случаяхъ, когда ими не установлены самыя правила

исполненія, соблюдается порядокъ, приведенный въ ст. 1274—81. Палата не имѣла законнаго основанія возникшій по настоящему дѣлу вопросъ объ исполненіи рѣшенія суда французской республики, съ которою трактата относительно взаимнаго исполненія рѣшеній не заключено, разрѣшать силою закона, опредѣляющаго порядокъ исполненія рѣшеній судовъ тѣхъ государствъ, съ которыми таковые трактаты существуютъ. Если для разрѣшенія спора, М. С. П. сочла бы невозможнымъ сослаться на точный разумъ дѣйствующихъ въ семъ отношеніи законовъ, то ей слѣдовало, не ограничиваясь ссылкою на 1273 ст., согласно ст. 9. уст. гр. суд., основать свое рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ; разрѣшивъ же спорный вопросъ исключительно на 1273 ст., предусматривающей совсѣмъ иные случаи, М. С. П. тѣмъ самымъ нарушила это постановленіе. Дѣло было передано правит. сенатомъ 2-му департ. М. С. П., который также отказалъ истцу, но уже на основаніи соображеній, указанныхъ сенатомъ. Въ принесенной на это опредѣленіе кассаціонной жалобѣ изложено, что это опредѣленіе содержитъ въ себѣ нарушеніе и неправильное толкованіе ст. 1273—1281, 9, 813 и 815 уст. гр. суд. и противорѣчитъ толкованію 1273 ст., данному правит. сенатомъ по дѣлу Теодориди.

Правительствующій сенатъ находитъ, прежде всего, незаслуживающимъ уваженія указаніе просителя на нарушеніе ст. 813, 815 и 1273—81 уст. гр. суд. Палата не могла нарушить ст. 1273—81 потому, что заключеніе свое о неисполнимости въ Россіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ тѣхъ государствъ которыми не заключено объ этомъ трактатовъ, основала вовсе не на этихъ статьяхъ, а согласно 9 ст. уст. гр. суд. на общемъ смыслѣ законовъ, подчиняясь указаніямъ правит. сената. Что касается дѣла Теодориди, то дѣйствительно, въ этомъ рѣшеніи правит. сенатъ выводилъ изъ ст. 1273—81 уст. гр. суд. возможность исполненія въ Россіи рѣшеній судовъ и тѣхъ государствъ, съ которыми не заключено трактатовъ о взаимномъ исполненіи рѣшеній, но, какъ видно изъ приведеннаго указа 1880 года, сенатъ отступилъ

уже отъ такого взгляда, ибо положительно призналъ, что ст. 1273 уст гр. суд. вовсе не относится къ судебнымъ рѣшеніямъ тѣхъ государствъ, съ которыми не заключено трактатовъ о взаимномъ исполненіи рѣшеній. За такимъ разъясненіемъ сената нельзя непризнать, что и ст. 1274 и слѣд. также не относятся къ судебнымъ рѣшеніямъ тѣхъ государствъ, которыми о томъ не заключено трактатовъ, ибо ст. 1274 и слѣд. состоятъ въ полной зависимости отъ предъидущей 1273 ст., въ которой именно и указаны случаи ихъ примѣненія. За силою этого указа сената, отъ 25 іюня 1880 г., М. С. П. не могла уже руководствоваться рѣшеніемъ 1873 г., по дѣлу Теодориди, а была обязана подчиниться послѣднему указу 1880 г. и, слѣдовательно, не только не нарушила ст. 813 и 815, но поступила именно на точномъ основаніи этихъ статей закона. Переходя къ главному вопросу, правит. сенатъ находитъ, что за неимѣніемъ въ дѣйствующихъ законахъ положительнаго разрѣшенія приводить въ исполненіе рѣшенія судовъ такихъ государствъ, съ которыми не заключено трактата о томъ, заключеніе о неисполнимости ихъ въ Россіи вытекаетъ уже изъ того основнаго положенія, по которому въ Россіи могутъ имѣть силу и почитаться дѣйствительными рѣшенія, исходящія лишь отъ такихъ учрежденій, коимъ право постановленія рѣшеній предоставлено существующею въ Россіи верховною властью. Изъ чего слѣдуетъ, что рѣшенія иностранныхъ судовъ, дѣйствующихъ не отъ имени и не по уполномочію Россійской верховной власти, сами по себѣ, не могутъ имѣть въ Россіи никакого значенія, безъ предоставленія имъ такого значенія какимъ-либо актомъ Россійской верховной власти, т. е. или дѣйствующимъ въ Россіи закономъ, или заключеннымъ съ иностраннымъ государствомъ договоромъ. А какъ въ дѣйствующихъ у насъ законахъ не содержится, кромѣ 1273—81 уст. гр. суд., никакого указанія на разрѣшеніе приводить въ исполненіе въ Россіи рѣшенія судовъ иностранныхъ, ст. же 1273—1281 относятся исключительно къ рѣшеніямъ судовъ тѣхъ государствъ, съ которыми существуютъ договоры о взаим-

номъ исполненіи судебныхъ рѣшеній, то изъ сего слѣдуетъ заключить что рѣшенія судовъ тѣхъ государствъ, съ которыми нѣтъ договоровъ о взаимномъ исполненіи, столь же необязательны къ исполненію въ Россіи, какъ и всякія административныя распоряженія, исходящія отъ иностранныхъ властей. Притомъ, въ вопросахъ международнаго права основнымъ принципомъ является взаимность. Очевидно, не представляется основанія, да и было бы противно понятію о самостоятельности государства, исполнять рѣшенія, постановляемыя противъ его подданныхъ судами иностранныхъ государствъ, если въ этихъ послѣднихъ не исполняются взаимно рѣшенія, постановляемыя въ первомъ—противъ ихъ иностранныхъ подданныхъ. Что этотъ принципъ проводится и нашимъ законодательствомъ, въ томъ убѣждаетъ и разсмотрѣніе исторіи происхожденія ст. 1273 и слѣд. уст. гр. суд.

Въ первоначальномъ проектѣ коммиссіи, составлявшей судебные уставы, предположено было, чтобы по правиламъ для исполненія рѣшеній судовъ Царства Польскаго и Великаго княжества Финляндскаго, исполнялись рѣшенія судовъ тѣхъ иностранныхъ государствъ, въ которыхъ, на основаніи трактатовъ или законовъ, исполняются рѣшенія русскихъ судебныхъ мѣстъ. При разсмотрѣніи этихъ правилъ въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, это предложеніе было измѣнено и проектировано въ такомъ видѣ: „рѣшенія судебныхъ мѣстъ иностранныхъ государствъ исполняются на основаніи правилъ, установленныхъ о томъ взаимными трактатами, а въ тѣхъ случаяхъ, когда трактатовъ нѣтъ, соблюдаются слѣдующія правила". Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что по мысли соединенныхъ департаментовъ, предполагалось допустить исполненіе въ Россіи рѣшеній судовъ всѣхъ иностранныхъ государствъ, въ томъ числѣ и тѣхъ, съ которыми не заключено о томъ договоровъ, и которые сами не допускаютъ у себя исполненія рѣшеній русскихъ судебныхъ мѣстъ. Прежде окончательнаго утвержденія устава было сдѣлано сношеніе съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, которое возразило противъ этой

мысли, указывая именно на неудобство допущенія къ исполненію въ Россіи судебныхъ рѣшеній и тѣхъ государствъ, съ которыми по этому предмету не было никакихъ трактатовъ и въ которыхъ рѣшеніямъ русскихъ судовъ не дается никакого значенія,—и предложило измѣнить редакцію конца предполагаемой статьи именно въ томъ смыслѣ, чтобы она относилась не къ государствамъ, съ которыми нѣтъ вовсе трактатовъ о взаимномъ исполненіи судебныхъ рѣшеній, а къ тѣмъ, которыя, хотя и согласились о взаимномъ исполненіи рѣшеній нашихъ судовъ, но не постановили въ договорахъ самого способа исполненія. Въ уст. гр. суд. ст. 1273 изложена уже въ измѣненномъ противъ прежняго предположенія соединенныхъ департаментовъ видѣ, а именно, слова: „*а въ тѣхъ случаяхъ, когда трактатовъ нѣтъ*“, замѣнены словами: „*въ тѣхъ случаяхъ, когда ими неустановлены самыя правила исполненія*, соблюдается порядокъ, изложенный въ слѣдующихъ статьяхъ.“ За таковымъ измѣненіемъ приведеннаго узаконенія не остается уже сомнѣній 1) что ст. 1273, какъ это признано уже правительствующимъ сенатомъ въ указѣ 25 іюня 1880 г., относится исключительно къ государствамъ, съ коими заключены трактаты о взаимномъ исполненіи судебныхъ рѣшеній, а слѣдовательно, ст. 1274—81 опредѣляютъ порядокъ исполненія рѣшеній судовъ лишь тѣхъ государствъ, съ которыми хотя и заключены трактаты о взаимномъ ихъ исполненіи, но лишь не опредѣленъ самый порядокъ исполненія и 2) что законодатель, отвергнувъ принципъ взаимности исполненія судебныхъ рѣшеній въ томъ неограниченномъ его видѣ, въ какомъ онъ предполагался первоначальною коммисіею, полагавшею достаточнымъ для допущенія исполненія рѣшенія иностраннаго государства, чтобы въ дѣйствующемъ въ томъ государствѣ законѣ было упомянуто о взаимномъ исполненіи судебныхъ рѣшеній,—тѣмъ не менѣе удержалъ этотъ принципъ, какъ основное правило для исполнимости въ Россіи судебныхъ рѣшеній иностранныхъ государствъ, ограничивъ его лишь тѣми случаями, когда этотъ принципъ освященъ и обезпеченъ заключеннымъ о томъ вза-

имнымъ трактатомъ. Вслѣдствіе всего изложеннаго, нельзя не признать, что по общему смыслу дѣйствующихъ у насъ законовъ и по смыслу ст. 1273 — 1281 уст. гр. суд., исполненіе въ Россіи рѣшеній судебныхъ мѣстъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ взаимное исполненіе рѣшеній русскихъ судовъ необезпечено заключенными о томъ съ ними трактатами, какъ нарушающее понятіе о самостоятельности государства, допущено быть не можетъ, что такимъ образомъ вопросъ этотъ разрѣшенъ М. С. П. совершенно правильно и согласно, какъ съ общимъ смысломъ дѣйствующихъ законовъ, такъ и съ послѣдовавшимъ по этому дѣлу 25 іюня 1880 г. указомъ—правительствующій сенатъ опредѣляетъ: кассаціонную жалобу повѣреннаго французскаго подданнаго Адама, присяжнаго повѣреннаго Тапѣева, оставить за силою 793 ст. уст. гр. суд. безъ послѣдствій.

Послѣ того, что нами выше изложено, подробный разборъ сего обширнаго опредѣленія излишенъ. Мы поэтому ограничиваемся краткимъ подчеркиваніемъ самыхъ характерныхъ и рѣшительныхъ положеній онаго.

Московскій окружный судъ, руководствуясь, очевидно, взглядомъ литературы и рѣшенія сената по дѣлу Теодориди, повидимому полагалъ, что иностранныя судебныя рѣшенія подлежатъ приведенію въ исполненіе, и примѣнивъ, поэтому, къ настоящему дѣлу ст. 1274— 1 уст. гр. суд., отказалъ истцу лишь на основаніи формальнаго недостатка. Первый департаментъ М. С. П., напротивъ того, не подчинился сему неправильному взгляду и отказалъ истцу вполнѣ правильно, потому что по смыслу 1273 ст. исполненію въ Россіи подлежатъ лишь судебныя рѣшенія тѣхъ государствъ, съ которыми о томъ заключены трактаты. Если-бы правительствующій сенатъ просто утвердилъ сіе вполнѣ законное и логичное рѣшеніе, прибавивъ, что прежнее его рѣшеніе имъ оставлено, потому что доводы онаго оказались несостоятельными, то весь вопросъ былъ бы рѣшенъ

весьма просто и скоро уже въ 1880 году. Къ сожалѣнію дѣло пошло не по прямому пути, а по окольнымъ дорогамъ. Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ указомъ 25 Іюня 1880 г., что дѣйствительно ближайшій къ рѣшенію сего дѣла законъ, не есть ближайшій законъ. При томъ правъ сенатомъ было замѣчено, въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, что слѣдовало бы рѣшать это дѣло на основаніи общаго духа нашего законодательства—положеніе, несостоятельность котораго доказывается самимъ правительствующимъ сенатомъ, основывающемъ свое рѣшеніе, существенно, на подробномъ толкованіи истиннаго смысла 1273 ст., и упоминающемъ объ общемъ духѣ нашего законодательства лишь вскользь. Второй департаментъ М. С. П. постановилъ такое же рѣшеніе, какъ и первый, обосновывая оное сообразно съ указомъ 25 іюня 1880 г. Когда дѣло по кассаціонной жалобѣ опять поступило въ сенатъ, послѣдній оставилъ прошеніе безъ послѣдствій на томъ основаніи, что высказанный въ дѣлѣ Теодориди взглядъ имъ оставленъ уже въ указѣ 25 іюня 1880 года, и далъ подробное и уже неоспоримое, по своему внутреннему достоинству, толкованіе ст. 1273 уст. гр. суд. Неясность въ соображеніяхъ прав. сената сказывается, наконецъ, въ томъ, что не дѣлается никакого различія между началомъ взаимности и началомъ положительныхъ договоровъ. Взаимность возможна и безъ договоровъ, или на основаніи законовъ, или даже безъ положительнаго закона, на основаніи судебной практики. Какъ мы выше видѣли, уст. гр. суд. отвергаетъ начало взаимности и допускаетъ исполненіе иностранныхъ судебныхъ рѣшеній единственно на основаніи положительныхъ международныхъ договоровъ о томъ. Непонятно, съ какой стати въ соображеніяхъ стараются закрывать и охранивать положеніе, принятое русскимъ законодательствомъ, и обставлять оное разными гуманными и либеральными фразами. Между тѣмъ, точка зрѣнія нашего правительства, т. е. Россіи, весьма положительна и опредѣленна. Къ тому-же правительство никогда не считало необходимымъ утаивать свою точку зрѣнія и на вопросы отвѣчало прямо и безъ обиняковъ.

По мѣстному праву балтійскаго края, въ случаѣ недостаточности мѣстныхъ постановленій, изъ временъ самобытности, или изъ временъ польскаго, шведскаго и рускаго владычества, примѣняются правила общегерманскаго процеса, къ видѣ права вспомогательнаго. Поэтому, иностранныя судебныя рѣшенія въ балтійскомъ краѣ могутъ быть приведены въ исполненіе, какъ посредствомъ спошенія иностраннаго суда съ мѣстнымъ, при заявленіи каждый разъ обѣщанія взаимности, такъ и посредствомъ actio judicati. Послѣдняя имѣла собственное свое значеніе въ римскомъ правѣ, по которому, чрезъ litis contestatio и послѣдовавшее за ней рѣшеніе, произошла novatio прежняго правоваго, между сторонами, отношенія, слѣдствіемъ которой было возникновеніе новаго обязательства (obligatio judicati). По современнымъ юридическимъ понятіямъ, на судебное рѣшеніе смотрятъ, какъ на признаніе существовавшаго съ самаго начала между сторонами правоваго отношенія. Впрочемъ, прежній взглядъ сохранилъ, изъ видовъ удобства, свое значеніе въ томъ отношеніи, что право, признанное иностраннымъ судебнымъ рѣшеніемъ, можетъ быть осуществлено точно также, какъ всякое право, основанное на иностранномъ, публичномъ, безспорномъ документѣ. Такимъ образомъ, при actio judicati дѣло вовсе не идетъ о приведеніи въ исполненіе иностраннаго судебнаго рѣшенія, но о доказательствѣ, принадлежащаго истцу права, безспорнымъ документомъ, который, во всякомъ случаѣ, дѣйствителенъ, хотябы состоялся въ иностранномъ государствѣ (locus regit actum). Поэтому, по отношенію къ actio judicati, основывающейся на частномъ гражданскомъ правѣ, недѣйствительны ограниченія исполненія иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, основанныя на публичномъ правѣ. Примѣняемость actio judicati, далѣе, совершенно независима отъ начала взаимности, признаннаго по договору ли, по закону ли, или вслѣдствіе повторяемаго каждый разъ заявленія суда о ней.

Что касается судебной практики балтійскаго края, то г. Цвингманъ, въ опубликованныхъ имъ рѣшеніяхъ рижскихъ

городскихъ судовъ [1]) доказалъ, что въ судебныхъ мѣстахъ города Риги допускается примѣненіе actio judicati на основаніи окончательныхъ иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, если доказано, что искъ на законномъ основаніи былъ сообщенъ отвѣтчику и воспослѣдовавшее рѣшеніе вступило въ законную силу.

Относительно Курляндіи, въ Митавскомъ городовомъ магистратѣ, двадцать лѣтъ тому назадъ, иностранныя судебныя рѣшенія приводились въ исполненіе на основаніи сношеній иностранныхъ судебныхъ мѣстъ, при упомянутомъ выше условіи взаимности. Мы полагаемъ, что вообще всѣ суды прибалтійскаго края, въ подобныхъ случаяхъ, приведутъ въ исполненіе иностранныя судебныя рѣшенія. Точно также можно предполагать, что допускаемость actio judicati также не подлежитъ сомнѣнію, хотя, при недостаткѣ случаевъ, нельзя указать на положительную практику.

О практикѣ въ Германіи, по отношенію къ русскому балтійскому краю, свидѣтельствуетъ слѣдующее рѣшеніе, напечатанное въ архивѣ Зейферта [2]). Истецъ просилъ по ст. 660 герм. уст. гр. суд. о постановленіи исполнительнаго рѣшенія, на основаніи вступившаго въ законную силу заочнаго рѣшенія рижскаго ветгерихта (торговаго суда). Ему отказали на слѣдующихъ основаніяхъ: судебная палата въ Карлсруэ, считаетъ доказаннымъ, что въ этомъ случаѣ недостаетъ ручательства въ соблюденіи взаимности, такъ какъ нѣтъ ни трактата о взаимной судебной помощи, ни декларации о взаимномъ исполненіи судебныхъ рѣшеній; напротивъ того, по прежнему русскому законодательству взаимность не допускалась и исполненіе иностранныхъ судебныхъ рѣшеній допускалось по указу 1827 г. лишь послѣ новаго разсмотрѣ-

---

[1]) Civilrechtliche Entscheidungen der Rigischen Staadtgerichte. B. I—VI Riga. 1871—1883. I. № 169. IV. № 628.

[2]) Seuffert's Archiv für Entscheidungen der obersten Gerichte in den deutschen Staaten. Bd 37. Neue Folge Bd. VII. Heft. 3. 1882. № 277.

нія всего дѣла по существу (Foelix). Хотя Россія, въ судебныхъ уставахъ 1864 года, ст. 1273 и слѣд., отказалась отъ этого рѣзкаго начала и приняла такія постановленія, которыя, соотвѣтствуя вполнѣ правиламъ герм. уст. гр. суд., представляютъ собою дальнѣйшій прогрессъ въ томъ отношеніи, что, не требуя взаимности, не обращая вниманія на законодательства иностранныхъ державъ, приведеніе въ исполненіе иностранныхъ судовъ поставлено въ зависимость лишь отъ условій, установленныхъ въ русскомъ уст. гр. суд., но судебная палата считаетъ доказаннымъ, что судебные уставы 1864 г. не введены въ балтійскомъ краѣ и что по отношенію къ нему нѣтъ ручательства во взаимности.

Самъ истецъ не утверждалъ, что взаимность между Германіею или Баденомъ и Лифляндіею обезпечена независимо отъ сихъ правилъ. Въ видѣ вспомогательнаго права дѣйствуетъ въ Лифляндіи общегерманскій процессъ, поэтому, правила германскаго уст. гр. суд. и русскихъ суд. уст. не могутъ имѣть въ ней примѣненія. Кромѣ того, на основаніи сочиненія Шмидта, „Ординарный гражданскій процессъ по лифляндскому земскому праву“, (Schmidt, der ordentliche Civilprocess nach livlandischem Landrecht. Dorpat 1880. '97. ff), въ Лифляндіи начало: incumbit domino respectu subditorum, ut ab injuria maneant tuti, т. е. дѣло начальства по отношенію къ подданнымъ, дабы отъ нарушеній остались сохранены—примѣнялось всегда въ обширномъ смыслѣ, такъ что приведеніе въ исполненіе судебныхъ рѣшеній было изъято отъ судебной власти и поставлено подъ наблюденіе высшей власти административной, и что изъ этого начала, со стороны русскаго правительства, допущено лишь исключеніе относительно рѣшеній Лифляндскаго гофгерихта. При такомъ положеніи вещей, ни подъ какимъ видомъ, не можетъ быть рѣчи о ручательствѣ взаимности относительно русскаго балтійскаго края. Наконецъ, по отношенію къ фактическому положенію дѣла, можно, безъ дальнѣйшихъ удостовѣреній, признать достаточными заявленія Кенигсбергскихъ адвокатовъ, которые, по случаю погра-

пичныхъ сношеній съ балтійскимъ краемъ, должны быть признаны знакомыми съ положеніемъ дѣлъ, что на самомъ дѣлѣ въ Восточной Пруссіи никому въ голову не приходитъ помышлять объ исполненіи тамошняго судебнаго рѣшенія въ Россіи.

Рѣшеніе это формально правильно, потому что истецъ неправильно вчиналъ искъ. Ему бы не отказали, если бы 1) сдѣлано было дипломатическимъ путемъ сношеніе со стороны рижскаго ветгерихта съ надлежащимъ баденскимъ судомъ, съ обѣщаніемъ взаимности со стороны ветгерихта; или 2) искъ былъ бы предъявленъ на основаніи actio judicati; или 3) если бы истецъ, даже при своей просьбѣ о постановленіи исполнительнаго рѣшенія по ст. 660 герм. уст гр. суд., привелъ доказательства, что въ балтійскомъ краѣ исполняются судебныя рѣшенія германскихъ судовъ. О послѣднемъ прямо говорится въ рѣшеніи; о actio judicati и о сношеніи (Requisition) въ рѣшеніи вовсе не упомянуто, такъ какъ не было никакого повода высказываться по поводу подобныхъ обстоятельствъ.

О приведенныхъ нами настоящихъ доводахъ отказа, въ рѣшеніи упомянуто лишь вскользь, главное же обоснованіе рѣшенія не выдерживаетъ критики: изъ правильныхъ предположеній сдѣланы неправильныя заключенія, изъ неправильныхъ предположеній выведены правильныя заключенія. Тѣ и и другія, конечно, равно несостоятельны!

Совершенно правильно предположеніе о томъ, что по прежнему русскому законодательству недопускалось приведеніе въ исполненіе иностранныхъ судебныхъ рѣшеній; неправильно—вывести изъ этого заключеніе на счетъ балтійскаго края, гдѣ эти постановленія не имѣли дѣйствія.

Неправильно предположеніе, что постановленія русскаго уст. гр. суд. 1864 г. соотвѣтствуютъ постановленіямъ германскаго уст. гр. суд., относительно приведенія въ исполненіе иностранныхъ судебныхъ рѣшеній. Неправильно вывести изъ того обстоятельства, что уставъ 1864 г. не дѣйствуетъ въ

балтійскомъ краѣ,—заключеніе о недопускаемости въ Лифляндіи приведенія въ исполненіе иностранныхъ судебныхъ рѣшеній.

Правильно то, что русскій уст. гр. суд. не признаетъ начала взаимности,—неправильно заключать отсюда, что уст. считаетъ это право излишнимъ и представляетъ собою прогресъ по отношенію къ германскому уст. гр. суд. Напротивъ того, русскій уст. гр. суд. отклоняетъ взаимность не только на основаніи судебной практики, но и по закону, и признаетъ это начало лишь тогда, когда оно освящено положительными трактатами, которыхъ вовсе не существуетъ.

Правильно все то, что выписано изъ сочиненія проф. Шмидта о постановленіяхъ лифляндскаго земскаго права,—неправиленъ выводъ отсюда, будто не существуетъ въ Лифляндіи взаимности. Если административной власти поручено исполненіе судебныхъ рѣшеній и удостовѣреніе, что рѣшеніе вступило въ законную силу, то это можно признать весьма неудобнымъ, но отсюда еще нельзя вывести заключеніе, что исполненіе иностранныхъ судебныхъ рѣшеній устранено по принципу. Подобныя рѣшенія предъявляются суду и уже исполнительныя рѣшенія мѣстныхъ судовъ поступаютъ въ губернское правленіе, которое, удостовѣрившись въ томъ, что они вступили въ законную силу, выдаетъ предписаніе о приведеніи ихъ въ исполненіе. Во всей книгѣ проф. Шмидта не упоминается объ исполненіи иностранныхъ судебныхъ рѣшеній. Но изъ молчанія въ научномъ изслѣдованіи объ извѣстномъ обстоятельствѣ, еще нельзя вывести заключеніе о несуществованіи онаго.

Неправильно изъ постановленій лифляндскаго земскаго права вывести заключеніе относительно рижскаго городоваго права: рижскіе суды, относительно исполненія своихъ рѣшеній, совершенно независимы отъ администраціи, точно также какъ всѣ городскіе суды всего прибалтійскаго края.

Наконецъ, судебная палата основывалась не на мнѣніи кенигсбергской адвокатуры, а только нѣсколькихъ адвокатовъ,

и прямо отклоняетъ изслѣдованіе о достовѣрности сего мнѣнія, притомъ мнѣнія, можетъ быть, одного или двухъ адвокатовъ о томъ, что „въ Восточной Пруссіи никому въ голову не приходитъ и думать объ приведеніи рѣшеній тамошнихъ судовъ въ исполненіе въ Россіи". Это мнѣніе, по своей отвлеченности, лишено всякаго значенія. Просто неправда, что въ Восточной Пруссіи никто не помышляетъ въ приведеніи тамошнихъ судебныхъ рѣшеній въ исполненіе въ Россіи. Помышлять-то помышляютъ, но отказываются отъ помышленій, убѣдившись, что въ пограничныхъ (литовскихъ) губерніяхъ не допускается исполненіе иностранныхъ судебныхъ рѣшеній, такъ какъ тамъ дѣйствуетъ русское право, а отъ этихъ губерній дѣлаютъ заключеніе на счетъ балтійскаго края, гдѣ дѣйствуютъ другое право и существуютъ другіе суды и другіе порядки, и примѣняются правила иного характера.

Этотъ примѣръ доказываетъ, какая путаница господствуетъ по настоящему вопросу, путаница, увеличенная вышеприведенными неправильными сужденіями русскихъ юристовъ о прогресивномъ и либеральномъ характерѣ русскаго устава гражданскаго судопроизводства.

И заключеніе?

Заключеніе слѣдующее: балтійскіе средневѣковые суды, на которые то и дѣло нападаютъ русскіе газеты, отстаиваютъ, въ занимающемъ насъ вопросѣ, гораздо болѣе современныя понятія о правѣ и справедливости; понятія, болѣе соотвѣтствующія взглядамъ передовыхъ русскихъ юристовъ, нежели уставъ гражданскаго судопроизводства 1864 г. Балтійскіе суды страдаютъ отъ того, что за-границею къ нимъ прилагаютъ мѣру, снятую съ судовъ остальныхъ губерній Россіи. Однако это не имѣетъ никакого вліянія на признаніе ими за иностранными судебными рѣшеніями того значенія и той силы, которая придается имъ по дѣйствующему праву—ибо право всегда должно оставатся и останется правомъ.

Объ изданіи въ 1884 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ: іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 и болѣе листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . .	**8** р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. . .	**8** р. **50** к.
съ пересылкой въ другіе города . .	**9** р.
за-границей	**12** р.
отдѣльно книга журнала	**2** р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія

съ доставкой въ С.-Петербургѣ и	
съ пересылкой въ другіе города . .	**13** р. **50** к.

Рѣшенія касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 3 р. съ касс. рѣш. 8 р. въ маѣ 3 р. и въ августѣ остальная до подписной цѣны сумма. Въ случаѣ невысылки въ условленный срокъ подписной платы, дальнѣйшая доставка журнала пріостанавливается и можетъ быть возобновлена не иначе, какъ по присылкѣ дополнительнаго рубля въ возмѣщеніе расходовъ редакціи. Гг. студенты университетовъ и кандидаты на судебныя должности, удостовѣрившіе свое званіе, пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к.

Подписка принимается: въ конторахъ Журнала—при книжныхъ магазинахъ *Анисимова*: въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Публичною Библіотекою и въ Москвѣ, на Никольской улицѣ.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 39.

Редакція открыта ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ, отъ 12 до 2 часовъ.

Оставшіеся экземпляры журнала продаются: за 1880 г. (въ количествѣ 1 экз.) по 9 р. за 1882 (безъ III и IV книгъ) по 5 р. за 1879, 1881 и 1883 г. г. по 9 р. Выписывающіе три послѣдніе года одновременно, уплачиваютъ 21 р. включая и пересылку. Оставшіеся экземпляры кассаціонныхъ рѣшеній сената продаются сброшюрованными: гражданскаго департамента—за 1877 годъ 4 р. за 1878 годъ 4 р. включая и расходы по пересылкѣ. Кассаціонныхъ рѣшеній сената, а равно и журнала за другіе годы, кромѣ означенныхъ, въ редакціи не имѣется. Изслѣдованіе проф. *Кистяковскаго*—О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, гг. подписчики могутъ получать въ редакціи по 1 р. за экз. съ пересылкою, вмѣсто 1 р. 25 к. безъ пересылки.

Редакторъ **В. Володимировъ.**

2007050325